

Суздальско-Нижегородские князя Александр Взметень и Александр Брюхатый

// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016 № 3 (65). – М.:
Индрик. С. 33-44

Келембет С.Н. Происхождение князей Пермско-Вымских, Великопермских и Косицких

Лицкевич О.В. Поручительство литовско-русской знати за Братошу Койлутовича 1387-1394

// Беларуская даўніна. Вып. 1. Мн., 2014

Келембет С. Олег-Павло Ігоревич, князь Курський та великий князь Чернігівський

Опубліковано: Сіверянський літопис. – 2017. – № 4. – С. 3-13

Станіслав Келембет. Невідома грамота великого князя Свидригайла Ольгердовича: формування землеволодіння князів Козек на Волині та їх походження.

// Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – 2019. – Число 29-30. – С. 5.

Бушуев В. Древняя русская

грамота 1368 г.

Текст воспроизведен по изданию: Древняя русская грамота 1368 г. // Красный архив, № 6 (103). 1940

Печатается в дискуссионном порядке (Ред.)

Ниже мы публикуем одну из русских грамот XIV в., именно грамоту 1368 г. кн. Суздальского и Нижегородского Дмитрия Константиновича.

История этой грамоты такова. Подлинник ее хранился в нижегородской Печерском монастыре и, по-видимому, давно погиб. Но в XVIII веке с этой грамоты был сделан список. Этот список находится в Государственном Архиве феодально-крепостнической эпохи в сборнике второй половины XVIII в. из б. собрания Мазурина № 822, лл. 57-59. Именно о этом сборнике и открыл этот список грамоты В. Ключевский в 1906 г., но не опубликовал его, а ограничился лишь несколькими словами о нем в своей «Боярской думе» (В. Ключевский, Боярская дума, 4 изд., стр. 120 и приложение).

В том же XVIII веке, в царствовании Анны Ивановны, в угоду ли кабинет министру Артемию Волынскому или по его заказу – неизвестно, на основе» этой грамоты был сфабрикован фальсификат – подделка под подлинную грамоту, в целях прославления рода Волынского. При этом (грамота была сокращена приблизительно в четыре раза, многое из нее опущено, она была написана полууставом, на большом диете бумаги, а на первом месте рядом с великим князем помещен якобы предок Волынского, князь Дмитрий Алибуртович (Любартович) Волинский, названный при этом тысяцким, а на втором месте помещен боярин Дм. Ив. Лобанов.

В фальсификате упоминается 4 служилых князя и всего 8 бояр, а в грамоте 9 служилых князей и 45 бояр; в фальсификате упоминаются князья Дм. Алибуртович Волинский, Дм. Фед. Курмышский и боярин Дм. И. Лобанов, в грамоте их совсем нет. В

фальсификате князь Полский назван Андреем Федоровичем, в грамоте – Федорам Андреевичем.

Именно этот фальсификат, изготовленный в XVIII веке, и нашел С. Соловьев, работая в архиве над царствованием Анны Ивановны, в деле Волинского, среди его бумаг, и «публиковал в приложении к XX тому своей «Истории России». Подделка была настолько груба, что в подлинности грамоты сейчас же усомнился ряд специалистов. Факсимиле этого фальсификата напечатал Павлов-Сильванский (Записки отд. русск. и слав. арх. И. Р. Археол. Общ-ва, т. VII, вып. 2, 1907 г.). Как ни груба была подделка, однако, содержание было настолько интересно и оригинально, что исключало возможность выдумки и, например, сам Павлов-Сильванский считал грамоту подлинной. Дело же заключалось в том, что в основу подделки была положена действительно очень интересная и оригинальная (грамота.

Грамота эта так интересна, что заслуживает ряда специальных исследований, мы же ограничимся лишь несколькими беглыми замечаниями.

Интерес этой грамоты прежде всего в том, что она совершенно особого, неизвестного до сих пор типа – местная им местническая, она устанавливает, кто «под кем» должен сидеть в боярской думе. Так как грамота эта дана по просьбе самих бояр, то, значит, местничество процветало в Н. Новгороде до 1368 г. Мы видим из дайной грамоты, что местничество в Н. Новгороде было урегулировано и регламентировано особой грамотой. Подобного типа грамот до сих пор известно не было, и именно потому она и привлекла к себе особое внимание Ключевского и Павлова-Сильванского. [225]

Очень странным является возражение против подлинности этой грамоты на том основании, что «подобных грамот не бывало». Как будто нам известны все грамоты всех князей XIV века. Строго научно мы можем лишь сказать, что подобные грамоты до сих пор нам были неизвестны. Что таких грамот не Сытело – это слишком смелое и ни на чем не основанное утверждение, которое сделал

С. Б. Веселовский в Институте Истории (стенограмма засед. сект., нет. СССР 19/IX с. г.). Как можно утверждать, что подобных грамот не бывало, если одна из них лежит перед вами. Чувствуя слабость этого довода. Веселовский прибегнул к ряду других.

Затем, чрезвычайно интересен и любопытен титул Дмитрия Константиновича. В фальсификате этот титул был сокращен, что я придало Павлова-Сильванского к ряду неверных заключений, например, будто Дмитрий Константинович не владея Суздалем. В этой грамоте Дм. Константинович титулует себя так «князь великий Новгородский Нижнево Нова Города я суздальской и гордецкой и курмышской я сарской и болгарской и больмецкой и подольской и всея понизовские земли заволский юрту и севернова государь».

Что Дмитрий Константинович владел Н. Новгородом, Городцом, Суздалем и Курмышем, это было известно. Что он владел Вяткой, не городом, а рекой (города Вятки тогда не было), это тоже известно, и она здесь фигурирует шесте с Ветлугой и Керженцом под именем северного юрта. Характерно и это татарское слово «юрт». Но что суздальско-нижегородские князья именовали себя князьями сарскими и болгарским и болью едкими, это является новостью.

Нам пришлось слышать сомнения в подлинности грамоты именно на том основании, что титул Дмитрия Константиновича в этой грамоте «необычен». Но ведь мы не знаем, каковы были «обычные» титулы Константина Васильевича, Андрея Константиновича и Дмитрия Константиновича. Ни одной грамоты их до сих пор нам известно не было. Не было известно и одной грамоты эпохи силы и могущества суздальско-нижегородского княжества. Ведь древнейшая грамота, судальско-нижегородских вел. князей, известная до сих пор, была грамота Бориса Константиновича от 8 декабря 1393 года, дошедшая до нас не в подлиннике, а в списке со списка вкладной книги нижегородского Благовещенского монастыря (ГАФКЭ, 1413/84 7), откуда она в XVI в. была переписана в списки грамот митрополичьих монастырей

(Ист. Музей, б. Моск. Синод. Б-ка. №276), а уже оттуда напечатана в «Актах Археографической Экспедиции» (Т. I, № 18). Но в 1393 г. суздальско-нижегородское княжество почти не существовало, Борис был выгнан из Н. Новгорода, а Москва имела ханский ярлык на Н. Новгород и Городец. Разумеется, при таких обстоятельствах титул Бориса Константиновича мог быть только очень скромным, и по этому титулу судить, «обычен» «ли «необычен» титул Дмитрия Константиновича, в эпоху расцвета о могущества этого княжества, мы не можем.

Вместо этих необоснованных суждений займемся анализом этого титула. Что значит «подолокой» – мы не знаем. Что значит «сарокой»? Саром называлась река Сура. В Троицкой летописи-под 1364 годом сказано: «в лето 6872 бысть мор в Новгороде Нижнем и на уезде я на Сару и на Киши» (Пол. Собр. Р. Л., т. I). Почти то же у Татищева (Ч, IV. Стр. 199): «и на всем уезде его и на Саре и на Кише по странам и по властей». На р. Суре а сейчас существует село Сар между устьями речек Большой и Малой Сарки, притоков Суры (Советский атлас мира. т. II, карта № 42-43). А. Орлов («Происхождение названий русских рек, городов и племен», 1907 г.) предполагает, что до кельтов финны населяли всю Европу, и им приписывает названия от Сарасин (Царицын) и Сара-тау (Саратов) до Саар-дам и Саар-брюкке.

С. Середонин (Историческая география, 1916 г.) слово «сар», «сара» производит с угорского [226] (пермяцто-зырянского), что значит – вода, Вопреки Мельникову и Храмцовскому, которые говорили, что река Сура составляла границу Нижегородского княжества с татарскими владениями, мы в другом месте представила ряд доводов, что нижегородские князья владели Засурьем. Никоновская летопись (Полн. Собр. Р. Л., т. XI, стр. 28) говорит, что Арап-ша (хай Араб-шах) Засурье пограбил. Если за Сурой были уже татарские владения, зачем ему было грабить свою землю. Самым убедительным доводом за то, что Засурье принадлежало Н. Новгороду, есть существование «засарских» или «засурских» местно-чтимых святых, о которых говорят один эпиграфический памятник 1414 года (А. Орлов. Библиография

русских надписей, № 209). Вообще, вопрос о том, что значит «сарский», требовал бы специального историко-географического исследования. Местность, где возникла Саровская пустынь, раньше называлась Сара-кльч («Отечественные записки», 1821 г., № 19, о Саровской пустыне).

Затем, раньше существовали епископы «сарские и подонские». Здесь слово «сарский» объясняли, как сокращение от слова саранский. Из посланий митрополитов (Акты Археографической экспедиции, I, № 2) мы знаем границу епархий сарайской и рязанской – это река Б. Борова, приток Дона. А где же была граница с епархией суздальско-нижегородской? Верховья Вороны и Суры близко подходят друг к другу, и обе эти реки вместе составляют почти прямую линию. Эта линия, невидимому, и была границей сарайской епархии – «то Сар» и «по Дон». По нашему мнению, «сарской» и значит владетель обоих берегов Суры, ее бассейна. В Тверской летописи под 1408 г. упоминается отдельно от Суры какая-то Сара Великая, но мы не знаем, что это такое.

Далее, Дмитрий Константинович именуется князем болгарским и болымецким. Болгарский отнюдь не значит владетель всей Булгарин, а значит лишь владетель г. Булгара. Это ясно из следующего за этим слова «болымецкий». Это название происходит от города Балымата или Болымата. «Нынешнее село Болымеры близ Волги», – говорит С. М. Шпилевский (Древние города Казанской губ., К. 1877, стр. 306 и 307). Семенов (Россия, т. VI, стр. 383) говорит: «верстах в 12 от Тетюш на левом берегу Волги расположено сельцо Болымеры (Булымерь), возникшее (на месте какого-то татарского городища». Далее об этом болымерском городище отдает ряд интересных сведений, а на стр. 115 того же тома дает карту Булгарского царства, где южнее г. Булгара на берегу Волги показан г. Булымер (Болымеры). Еще Рычков (Журнал или дневные записки путешествий, СПб. 1770, стр. 9-13) дал подробное «описание достопамятных развалин болгарского города Булумера», а на стр. 14 приводит даже один документ времен Петра I, где говорится: «изстари построен был бусурманский город Булымерий».

Итак, Дмитрий Константинович владел городами Булгаром и Балыматом. Это согласуется с множеством известных фактов. Никоновская летопись (Т. XI. стр. 25) под 1369 г. говорит, что князь великий Дмитрий Константинович Суздальский послал детей своих Василия и Ивана на Болгары, что ханы Асан и Махмет (по Хоуорсу, это будущий хан Золотой Орды Улу-Магомет) «добита челом» и приняли нижегородского дорогу (наместника) и таможенника, т. е. политически подчинились Н. Новгороду. Другие летописи (Симеоновская, Типографская) относят это событие к 1376 г. Нам хронология Никоновской летописи кажется в данном случае более правдоподобной. Затем, обладание Булгаром прекрасно согласуется с сообщениями летописей о постоянном участии болгарских князей (Ейтяк, Талыч) во всех вооруженных выступлениях нижегородских князей против Москвы (Т. XI. стр. 163, 215). Это же объясняет нам и преследование Семена Дмитриевича «до самой Казани» в 1392 г. (Т. XI. стр. 171). [227]

Становятся понятными и упорные походы Москвы на Булгарию как раз в то время, когда она вела особенно упорную борьбу с суздальскими князьями. Все это становится понятным, если Булгар и Болымат были подчинены нижегородским князьям. Наконец, это бросает совсем новый свет на данные нумизматики. Современный специалист по древней русской нумизматике, А. А. Ильин, в своем труде «Топография кладов древних русских монет» (Л. 1924) приходит к выводу, что совершенно особое значение имели русские монеты в пределах б. Казанской губернии. «Русские монеты здесь широко обращались», – говорит Ильин (стр. 23). Но какие именно монеты? Суздальско-нижегородские, не только с русскими надписями, но и с татарскими. Орешников (Окуловский клад) говорит, что монеты с татарскими надписями этого клада чеканились нижегородскими князьями для татар (булгар). Это явление было бы совершенно непонятно, если бы мы не узнали из данной грамоты, что Булгар был подчинен Н. Новгороду.

Очень интересно вот какое обстоятельство. Татарские монеты

обычно не только имели на себе дату (по мусульманскому времяисчислению от Геджары), но и указание места чеканки. Многие татарские монеты чеканились, как на них сказано, в Булгаре. Ильин тщательно исследовал этот вопрос. Оказалось, что в XIV веке в Булгаре чеканил свои монеты только Мухаммед-Узбек (1323-1336). В XV же веке в Булгарах чеканили свои монеты: Шадабек (1400-1409 гг.), Пулад-хан (1408-1413 гг.), Тимур-хан (1407-1413), Кибяк (1412-1416 гг.), Чекре (1415-1416 г.) и Улу-Магомет (1419-1436 гг.) (Ильин, Топография кладов, стр. 21). Получается удивительное совпадение: в Булгаре чеканились татарские деньги до возникновения суздальско-нижегородского княжества в XIV веке, а в XV веке только тогда, когда, по русским летописям, Москва временно завладевала Н. Новгородом. Данные нумизматики точно совпадают с данными указанной грамоты, в которой Дмитрий Константинович именуется князем болгарским.

Затем грамота эта чрезвычайно любопытна именами служилых князей и бояр. Среди них мы видим 9 князей, до сих пор совершенно неизвестных (князья Березопольские, Нагаевы, Бежинские, Муромчиновы, Туровы и др.).

Ключевский полагал, что некоторые из этих князей есть князья стародубские; Павлов-Сильванский опровергал это и возражал Ключевскому. Данный список грамоты решает спор в пользу Ключевского. Упоминаемые в ней князья Нагаевы есть князья стародубские. Они есть среди стародубских князей в духовном завещании Ивана Грозного и в земельных делах стародубского княжества (Рождественский, Служилое землевладение, стр. 173). Кн. Муромчинов упоминается под 1371 г., как владелец многих сел за рекой Кудьмой, в том самом древнем списке Нижегородского летописца, который остался неизвестен Гацисскому и не был им использован при издании этой летописи (Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 22, стр. 42).

Что такое Березополье, мы знаем из грамоты князя Мосальского Евфимьеву монастырю: «в Березопольи деревню Мещерскую поросль

на реке Ока на устье Мещерской заводи, что было в поместьи за князем Андр. Мих. сыном Горбатого» (Ниж. губ. ведомости, 1847 г., №68). Там сейчас город Горбатов. Павлов-Сильванский прав, отрицая происхождение имени князя Полского от слова Ополье. Но Сильванский неправ, помещая Ополье за г. Владимир. Ополье было в Суздальском княжестве, близ Суздаля, как это видно из грамоты: «в Суздальский уезд, в Опольский стан, в село Малое Городище, в деревню Шоломово на реке Нерли... пожаловал спасского (Евфимьева) архимандрита Аврамья, потому что то село Городище с деревнями к славскому монастырю близко» (Акты Ист., т. I, № 167). Слово «полский» происходит не от слова «Ополье», а от слова Пола, название реки, притока реки Бужи, впадающей в озеро Святое. Эта река в XIV веке текла в пределах муромского княжества. [228] Есть данные полагать, что во второй половине XIV века земли по этой реке были захвачены Москвой и присоединены к владимирскому княжеству, владельцы же этих земель, князья Полские из рода муромских князей, пошли на службу нижегородскому князю. А. Орлов (Происхождение названий русских рек, городов и племен, стр. 136) прав, когда говорит: «я думаю, что к названию Польский как-нибудь причастна река «Пола». Но Орлов знал только слово «польский» и принял во внимание только речку Полу, приток Клязьмы. Нахождение в 1368 г. на службе у вел. князя нижегородского князей стародубских и муромских подтверждает высказанное нами в другом месте мнение, что стародубское княжество целиком и часть муромского в XIV веке были поглощены суздальско-нижегородским. Среди 45 фамилий других бояр мы встречаем ряд знакомых фамилий (Румянцевы, Сумароковы, Новосильцевы и др.), перешедших потом на службу Москве.

Описок бояр чрезвычайно любопытен тем, что мы здесь видим бояр из купцов. Это братья Новосильцевы. Они сидят выше многих князей. Это чрезвычайно характерно для торгового Н. Новгорода. Из них Тарас Петрович упоминается даже в летописи под 1371 годом, как первый богач и владелец 6 сел за р. Кудьмой (Соловьев, IV т., стр. 263; Карамзин, т. V, прим. 45; Нижегородский летописец под 1371 г.).

Против подлинности этой чрезвычайно интересной грамоты решительно возражал С. Б. Веселовский (стенограмма засед. сектора истории Ин. Ист. от 19-IX-40 г.). Он объявил эту грамоту «грубейшей подделкой». В этой грамоте упоминается 45 фамилий бояр, а фамилии, по утверждению Веселовского, появились только с XVI века. С этим доводом «огласиться никак нельзя. Во вкладной книге нижегородского Благовещенского монастыря сохранились грамоты местных вкладчиков XIV века: Семена Рознежского, Саввы Сюзева, Митрофана Изинского, давно опубликованные (А. Ю. Б., Об. Муханова). Они должны быть известны Веселовскому. Но ведь это такие же фамилии, как и фамилии бояр в грамоте. Или список XIV века митрополичьих бояр при Митяе: Ф. Шелохов, И. Воробьин, Анд. Коробьин, Невер Бармин, Степан Кловня (Полн. Собр. Р. Л., т. XXIV). Разве это не фамилии? Таких примеров из XIV века можно привести сотни. В грамоте упоминается боярин Тарас Петрович Новосильцев. О нем же в Нижегородской летописи под 1371 г. говорится, что он перешел из Н. Новгорода на службу в Москву. Как будто, летопись и грамота прекрасно подтверждают друг друга. А Веселовский из факта, что Новосильцевы в XVI веке жили к югу от Москвы, делает довод против подлинности грамоты. Довод совершенно непонятный.

Затем, подделка всегда имеет определенную цель. Вот фальсификат в деле Волинского, обвинявшегося в честолюбивых замыслах на российский престол, имел целью прославление его происхождения якобы от Любарта Гедиминовича. Но ведь сборник № 822 собрания Мазурина содержит: выписки из летописца вкратце, разрядную книгу с 1578 г., список 27 погостов из новгородской писцовой книги и описок данной грамоты. Какая цель была здесь совершить подделку, чтоб помещать ее вслед за статьей о двадцати семи погостах? Мы считаем все доводы Веселовского о «грубейшей подделке» данной грамоты совершенно несостоятельными.

В. Бушуев [229]

Список с местной грамоты.

(ГАФКЭ, Рук. соб. б. Мазурина, второй половины XVIII в., № 822, лл. 57-59)

Князь великий Новгородский Нижнева Нова города и суздальской и городецкой и курмышской и сарской и болгарской и большецкой и подолской и всея понизовские земли заволскии юрту и севернова государь князь Дмитрий Константинович пожаловал есми своих бояр и князей дал им местную грамоту по их челобитью а по печалованью архимандрита новгородского печерского отца своего духовного Ионы и по благословению владычного Серапиона нижегородского и городетского и курмышского и сарского кому с кем сидеть и кому под кем садитца; велел садитца от своего места князю Ивану Васильевичу Городецкому да садитца против ево в скаме князю Федору Андреевичу Полскому да садитца /л. 57 об./ боярину ево Василью Петровичу Новосилцову да велел садитца казначею и боярину. Тарасу Петровичу Новосилцову и пожаловал его боярством за то, что он откупал ис полону государя своего дважды великого князя Дмитрея Константиновича, а в третьи выкупал княгиню Марфу да велел садитца Юрю боярину своему Курмышеву да садитца князю Петру Ивановичу Березопольскому да садитца в лавке князю Дмитрею Федоровичу Муромскому да садитца в скаме князю Василию Федоровичу Нагаеву да садитца князю Ивану Андреевичу Турову да садитца князю Борису Петровичу Беженскому да садитца в лавке князю Василью Ивановичу Мурамчинову да садитца в скаме Петру Ивановичу Молвянинову да садитца князю Григорью /л. 58/ Борисовичу Березопольскому, а под ним велел садитца в лавке Константину Кононовичу да сыну его Матвею Константиновичу Крутецкому да в скаме Ивану Григорьеву сыну Медведеву да велел садитца дьеком своим Ивану Суморокову да Василью Иванову сыну Нагаеву да садитца Юрью Григорьеву сыну Глазову да Федору Григорьеву сыну Измалову да Борису Григорьеву сыну Русинову да Петру Борисову сыну Подолскому да Назару Родионову сыну Рогачеву да садитца Нагиным Федору Дмитриеву сыну да ево детем Василью да Прокофью да Гаряину да зятю ево Ивану Григорьеву сыну Федорову да садитца Федору Якову Игнатьевым да садитца Дмитрею Васильеву сыну Понищеву да брату /л. 58 об./ его Василью Путилову да

садится Ивану Семенову сыну Саробина да садится Федору Скрябину да Григорью Васильеву сыну Поленицыну да садится Юрью Иванову сыну Кривошеину да садится Василью Богданову сыну Волкову да садится Василью Никифорову да садится Гордею Иванову сыну Дмитриеву да садится Ушаку Юрьеву сыну Нагавицину да садится Дмитрею Васильеву сыну Скрыницыну да садится Ивану Григорьеву сыну Журакову да садится Семену Алыбешеву сыну Озерецкому да Ивану Григорьеву сыну Корочеву да садится Федору Григорьеву сыну Ноздрокосу да садится Борису да Федору Никитиным детем Храмого да садится Афоне Брылову да садится Федору Иванову сыну Заборскому да садится Фоме Иванову сыну Талынцееву да садится [230] Дмитрею Федорову сыну /л. 59/ Назарову да садится Ивану Григорьеву сыну Румянцову да Ивану Григорьеву сыну Горицыну да садится Ивану Григорьеву сыну Резандову да садится Ждану Григорьеву сыну Бежинскому да Рудаку Яковлеву сыну Раццлову да Григорью Тимофееву сыну Плеснину да садится Зубатому Титову сыну Ноздрокосу да Игнатью Беклорову да Маскате Астафьеву; сыну Филимонову.

А к месной грамоте князь великий велел бояром своим руки приложить и дъеком и месную грамоту писал дъяк великого князя Петр Давыдов сын Рухин 6876 года а назади местныя грамоты 7 рук приложено.

К сей грамоте архимандрит Печерской Иона руку приложил да казенный боярин Юрья Иванов сын Курмышев да великого князя дъяк Иван Сумароков руку приложил да з казной дъяк Василей /л. 59 об./ Иванов сын Нагова руку приложил да к сей же грамоте великого князя указной же дъяк Юрья Григорьев руку приложил.

А такова подлиная Беликова князя месная грамота в Нижнем Новеграде в Печерском монастыре.

Чеченков В.П. Князя Горбатые и город Горбатов: происхождение топонимического мифа

В Павловском районе Нижегородской области, на берегу Оки, в нижнем ее течении, расположен небольшой город Горбатов (2230 жителей на 1 января 2010 г.[1]). Приобретение им городского статуса связано с губернской реформой Екатерины II и относится к 1779 г. В нижегородских краеведческих изданиях различного характера (популярных, учебных, справочных), распространена версия о происхождении названия города от фамилии ее владельца – «князя А. Шуйского-Горбатого». Такое толкование содержит новейшее издание, посвященное топонимии Нижегородской области[2]. Утверждение этого мнения связано с именем известного горьковского ученого доктора географических наук Л.Л. Трубе, работы которого заслуженно пользуются признанием[3].

Необходимо отметить, что данная трактовка сформировалась у него не сразу. Так, в книге 1954 г., читаем: «История горда Горбатова начинается с XVI в. от небольшой деревни, называвшейся Мещерской порослью. В 1672 г. эта деревня была переименована в село Горбатово...». Объяснение названия здесь отсутствует[4]. Князь Горбатый появляется в специальной топонимической работе 1962 г.: «Горбатов (...) – название получил по фамилии князя А. Шуйского-Горбатого. Здесь было его вотчинное владение первоначально под названием Мещерская Поросль... После опалы Шуйского-Горбатого Иван Грозный в 1565 г. передал его во владение Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю»[5]. В позднейших работах Л.Л. Трубе эта версия сохранялась[6].

Более полный рассказ содержит научно-популярное издание «Города нашей области» (1974 г.), вышедшее под редакцией Л.Л.

Трубе. Автор очерка «Горбатов» С.П. Завирушев сообщает: «В XVI в. на месте, где теперь находится Горбатов, были поместья одного из потомков нижегородских князей Андрея Михайловича Шуйского-Горбатого. Андрей Горбатый некоторое время был псковским наместником. По характеристике, которую дает Шуйскому-Горбатову и его людям летописец, мы узнаем, что “дела его были злы на пригородах и сам он свиреп как лев, а люди его как дикие звери”. После смерти великого князя Василия III Горбатый состоял во главе боярского правления и так восстановил против себя малолетнего Ивана IV, что последний, будучи царем, в 1565 году имени Горбатого отобрал в казну. В этом же году Иван IV пожаловал Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю земли, среди которых упоминалась и деревня Мещерская Поросль, расположенная на правом берегу Оки и числящаяся в составе поместья Андрея Шуйского-Горбатого. На месте этой деревни и возникает населенный пункт Горбатов»[7]. Книга «Города нашей области» приобрела широкую известность. Влияние очерка о Горбатове чувствуется в более поздних изданиях не только краеведческого характера[8]. Такой же рассказ находим в статье о городе Горбатове, представленной популярной интернет-энциклопедией «Википедия»[9].

Отметим новые, по сравнению с работами Л.Л. Трубе, сведения. Во-первых, князь приобрел полное имя и отчество. Во-вторых, вотчина превратилась в поместье. В-третьих, появились биографические сведения (наместник в Пскове, глава боярского правления[10]) и личностная характеристика (злой человек). В-четвертых, указывается на происхождение от нижегородских князей.

Следует указать, что данная традиция трактовки названия города характерна не только для краеведческой литературы. Так, автор известного специалистам дореволюционного труда по генеалогии и истории княжеских родов Северо-Восточной Руси А.В. Экземплярский отметил, что Горбатые «дали своей фамилией или прозвищем название селу Горбатову...Село Горбатово прежде было деревней, которая называлась Мещерской Порослью; в 1672 году, по учреждении в Нижнем Новгороде епархии, в этой деревне воздвигнута была церковь во имя св. Евфимия – и явилось таким

образом село Горбатово, по прозвищу владевших им князей Шуйских»[11].

Для начала напомним читателям кто такие князья Горбатые. Они действительно являлись представителями суздальско-нижегородских Рюриковичей и относились к младшей линии (потомков князя Семена Дмитриевича) старшей ветви этого княжеского дома. Старшую линию той же ветви (от князя Василия Дмитриевича Кирдяпы) представляли князья Шуйские. Все они происходили от Дмитрия Константиновича, великого князя нижегородского (1364 – 1383 гг.), правителя одного из крупнейших княжеств Северо-Восточной Руси.

Родоначальником фамилии Горбатовых был Иван Васильевич Горбатый. В конце 40-х гг. XV в. он стал служилым князем московского великого князя Василия Васильевича Темного. Это событие явилось одним из этапов постепенного отказа суздальских Рюриковичей от борьбы с Москвой за восстановление независимости своего княжества, которая проходила с конца XIV в. Результатом был их переход в статус служилых князей[12]. Вассальное положение Ивана Васильевича было закреплено пожалованием ему его же суздальской «отчины», а также земель Городецкого княжества (составной части бывшего великого княжества Нижегородского). Почти полный внутренний суверенитет владений был обусловлен военной службой московскому государю[13]. Городец не мог стать центром владений, т. к. не возродился после разгрома татарами Едигея (1408 г.). По-видимому, управление было сосредоточено в городке Юрьевце на Волге.

Со временем полнота прав на родовые вотчины потомков Ивана Васильевича подвергалась серьезному ограничению. Владения дробились между наследниками и различными путями переходили в собственность великого князя, позднее – царя. Однако родовые земли в собственности Горбатовых оставались[14].

Что известно современной науке о землевладении князей Горбатовых в низовьях Оки? В договорной грамоте, зафиксировавшей пожалованные Ивану Васильевичу земли, указания на эти территории отсутствуют[15]. Размер владений, и объем предоставляемых прав были весьма внушительны. Поэтому передача

Горбатым в последующем дополнительных земель на вотчинном или поместном праве из состава бывшего Нижегородское-Суздальского княжества сомнительна. Современные исследования показали, что владения суздальских Рюриковичей вообще не прослеживаются на собственно нижегородской территории, а именно в ее состав входило правобережье нижней Оки. После присоединения княжества Москва в первую очередь дорожила стратегически важным Нижегородским краем и стремилась как можно скорее разорвать его связи с бывшими повелителями[16].

В первой половине – середине XVI в. действовали поколения внуков и правнуков Ивана Васильевича. Из внуков наибольших успехов добились Борис Иванович и Михаил Васильевич Кислый. Оба играли заметную роль в Думе и достигли высшего чина – бояр. Борис умер вскоре после января 1537 г., еще раньше, до 17 июля 1535 г., скончался Михаил – младший из внуков Ивана Васильевича[17]. С эпохой Ивана Грозного связано имя сына Бориса Ивановича Александра. Он занял прочное положение в Боярской думе в малолетство Ивана IV, к 1544 г. стал боярином. А.Б. Горбатый находился в родстве со знатнейшими княжеско-боярскими фамилиями, а через одну из дочерей – с царским домом (ее муж князь Иван Федорович Мстиславский – сын племянницы Василия III). Князь Александр был выдающимся полководцем. Его рати в 1552 г. нанесли решающее поражение татарскому войску под стенами Казани, а сам он стал первым русским наместником в завоеванном городе. Особенным уважением Горбатый пользовался среди деятелей Избранной рады. Вероятно, это стало одной из причин его падения. Введение опричнины началось с обвинения бояр и, прежде всего А.Б. Горбатого, в стремлении лишить Ивана Грозного власти. В феврале 1565 г. Александр и его сын Петр были казнены. На этом род Горбатовых пресекся[18].

Биография Александра Борисовича в чем-то совпадает с данными о «князе А. Шуйском-Горбатом». Он был участником «боярского правления» и пострадал от царя Ивана в 1565 г. Но в период малолетства последнего он еще не обладал таким политическим весом, чтобы возглавить правительство, нет сведений о его наместничестве в Пскове, и, наконец, его не звали Андреем

Михайловичем. Более того, среди князей Горбатовых люди с таким именем и отчеством не известны. Источники знают двух Михайлов, оба относились к поколению внуков И.В. Горбатого. Это Михаил Иванович Лапа и Михаил Васильевич Кислый[19]. Первый умер бездетным. Второму некоторые родословцы приписывают сына Сусло, но он умер, вероятно, еще в молодом возрасте. Во всяком случае, в сохранившейся духовной Михаила Васильевича в качестве наследника упоминается только жена[20]. Псковским наместником из Горбатовых был все тот же Михаил Кислый. Однако сведений, о каких либо его злодеяниях в этом качестве нет[21]. На роль нашего героя удивительно подходит один из родственников Горбатовых – это Андрей Михайлович Честокол Шуйский. С внуками И.В. Горбатого (основателя рода Горбатовых) он состоял в пятой степени родства. В годы «боярского правления» это действительно одна из ведущих политических фигур. После смерти И.В. Шуйского в мае 1542 г. Андрей возглавил могущественный клан суздальских князей, к которому относились Шуйские и Горбатые. В 1539 – 1540 гг. он был наместником в Пскове. Именно о нем псковские летописи пишут как о «злодее», сравнивая его со свирепым львом, а его людей с дикими зверями. Столкновение с Иваном Васильевичем тоже закончилось для Андрея Шуйского трагически. Однако произошло это задолго до 1565 г. (год конфискации Мещерской Поросли и передачи ее Спасо-Евфимьеву монастырю). В 1543 г. еще молодой Иван впервые проявил свой характер. По его приказу А. Шуйский был убит великокняжескими псарями[22]. Следовательно, последний не мог быть «А. Шуйским-Горбатым» 1565 года. Таким образом, в очерке С.П. Завируцева из книги «Города нашей области», получившем широкую популярность, представлен не реальный исторический деятель, а собирательный образ, в котором переплелись детали биографий А.Б. Горбатого и А.М. Шуйского. Однако если мы отбросим, обозначенные выше сомнения, относительно принадлежности Мещерской Поросли интересующему нас княжескому роду, то, казалось бы, более лаконичная информация Л.Л. Трубе (т.е. без подробностей Завируцова) может подходить к А.Б. Горбатову. Следует обратить внимание на то, что в основе версии, кроме

общих соображений о схожести фамилии и названия населенного пункта, лежат и определенные реалии, а именно дата и сам факт передачи деревни указанному монастырю. Каково происхождение этой информации? К сожалению, приведенные нами краеведческие издания, в силу своего популярного характера, не дают точных ссылок на свои источники. А таковые в действительности существуют.

В данном случае первоисточником является комплекс материалов, связанный с передачей Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю земель и угодий в Березопольском стане Нижегородского уезда по реке Оке. К интересующей нас деревне Мещерская Поросль относится три документа. Это указная грамота от 6 апреля 1565 г. царя Ивана Васильевича приказчику дворцовых Павловских сел Тимофею Харлантьеву сыну Усову об отводе указанному монастырю ряда деревень и озер; отводная писцов князя И.Д. Мосальского и Лашука Владимирова архимандриту того же монастыря Савватию на деревни Мещерскую Поросль, Зименки, Костино и др.; выпись из писцовых книг 1564/65 г. князя И.Д. Мосальского и Лашука Владимирова на вотчины монастыря деревни Мещерскую Поросль, Худяково, Костино и др.

Документы более десяти лет назад были опубликованы С.Н. Кистеревым и Л.А. Тимошиной в составе специального издания актов Спасо-Евфимьева монастыря XVI – начала XVII вв.[23]. Указная и отводная грамоты были напечатаны уже во второй раз (оба раза по подлинникам, а не спискам). Первая их публикация состоялась в начале XX в. в сборнике «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», где А.К. Кабанов представил документы по истории Нижегородского края из фонда Грамот Коллегии экономии (ныне в Российском государственном архиве древних актов, ф. 281)[24]. Писцовая выпись в последнем случае не публиковалась, поскольку отложилась в виде списка в другом фонде (фонд Спасо-Евфимьева монастыря – РГАДА. Ф. 1203). Может создаться впечатление, что именно это местное издание послужило источником информации для исследователей нижегородской топонимии. Но не будем торопиться с выводами. Из документов следует, что в 1565 г. Спасо-Евфимьев монастырь получил среди прочего деревню Мещерская Поросль в Березополье

Нижегородского уезда «на реке на Оке на усть Мещерской заводи, что была в поместье за Ондрушею за Михайловым сыном Горбатого». В деревне насчитывалось шесть дворов. Таким образом, происхождение топонима Горбатово-Горбатов от имени ее владельца-помещика становится очевидным. Случай этот, как известно, довольно типичен. Помещика звали Андреем Михайловым сыном и, следовательно, к князю Андрею Борисовичу Горбатову, действовавшему еще в первой половине 60-х гг. XVI в., он никакого отношения не имел.

Есть ли вообще связь между Мещерской Порослью и князьями Горбатыми? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно.

Во-первых, как уже отмечалось, среди членов этой фамилии люди с таким именем и отчеством не известны. Во-вторых, в феврале 1565 г. этот род пресекся. В то время как Андрей Горбатый, бывший владелец данной деревни, продолжал здравствовать. Дело в том, что кроме трех указанных документов, он упоминается еще в двух. Это зарядная запись, датируемая периодом от сентября 1565 г. до мая 1566 г. Она фиксировала «полюбовное» решение спорного дела о границах владений Спасо-Евфимьева монастыря и кожуховских бортников. Результатом достигнутого соглашения стала разъезжая этим землям третейских судей Т.Д. Хохлова и Василя Неклюдова от 25 мая 1566 г. В зарядной записи Андрей Горбатого зафиксирован как «послух» (свидетель заключения сделки). Он же присутствовал и на «разъезде» 25 мая[25].

В-третьих, два последних документа ясно свидетельствуют, что Андрей был (и оставался после конфискации Мещерской Поросли[26]) местным жителем, т. к. в послухи и свидетели приглашались именно такие лица. Они должны были стать гарантом установленных границ и при необходимости подтвердить их авторитетом старожилков. Данное обстоятельство не соответствует положению в обществе князей Горбатовых. Как было показано, они относились к верхушке русской титулованной знати. Современник Андрея, Александр Борисович Горбатый, был виднейшим вельможей Ивана Грозного. Поэтому постоянное проживание их в этой местности и добрососедское участие в подобного рода мелких сделках выглядит не естественно.

В-четвертых, Андрей Горбатого упоминается девять раз в пяти

документах и во всех случаях отсутствует титул, следовательно, он не был князем. Даже казненный «за великие изменные дела» А.Б. Горбатый в духовной грамоте самого Ивана IV (1572 г.) упоминается с титулом (речь идет о завещании сыну Федору владений «что были княжо Александровские Горбатого»)[27]. Также не соответствует положению князей Горбатовых форма имени и отчества. В документах березопольский помещик называется Андреем Михайловым сыном, Андреем или Андрюшей. В собственных рукоприкладствах – Андрейцом. В интересующую нас эпоху уменьшительные формы имени и полуотчества (на –ов, -ев, -ин сын) не применялись к знатым особам. Представители аристократии именовались полным отчеством, оканчивавшимся на –вич.

Кто же он – человек, имя которого носит город Горбатов? Поместья давались за службу, следовательно, Андрей Михайлов сын был служилым человеком, представителем того слоя общества, который к началу XVIII в. консолидировался в единое сословие дворян. Во второй половине XVI в. шел процесс оформления сословно-чиновной структуры служилого населения. Наиболее привилегированной частью являлся государев двор, в который входили думные и дворцовые чины (бояре, окольные, дворецкие, казначеи и др.), стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские. Провинциальные служилые были организованы в уездные корпорации, в которых выделялись дети боярские дворовые и дети боярские городовые. Промежуточной группой, олицетворявшей связь центра с провинцией, были дворяне выборные, чья служба лишь время от времени проходила при дворе. Судя по тем фактам, которые известны об Андрее Горбатого, по всей видимости, он принадлежал к одной из двух низших страт, скорее всего к городовым детям боярским.

Это предположение подтверждается более поздними материалами. Состав уездных дворянских корпораций фиксировался в специальных документах – десятиях. По Нижегородскому уезду в полном виде дошло три десяти: 1606/07, 1618 и 1622 гг.[28]. В первой из них находим городского сына боярского Гордея Яковлева сына Горбатого с самым низшим поземельным окладом (100 четей) и одним из самых низших денежных окладов (7

рублей)[29]. Кроме того, сохранились алфавиты к десятням (в том числе к недошедшим), составленные в XVIII в. [30]. В них фигурируют только фамилии без имен и отчеств. Горбатые в алфавитах встречаются на протяжении почти всего XVII века.

Установить родственные связи, а также детали биографии Андрея не удастся. Такая ситуация для данного слоя общества применительно к XVI в., к сожалению, является обычной. Надо полагать, фамильное прозвище Горбатый было довольно распространено. Так, в Дворовой тетради, составленной в середине XVI в. и представляющей собой полный список государева двора, Горбатые записаны по Калуге[31]. В 20-х гг. того же столетия действовал дворцовый дьяк Иван Малой Александрович Горбатый. К посланнику из Польско-Литовского государства в 1567 г. был прикреплен пристав Замятня Горбатый. Известен даже Андрей Горбатый, который в середине 30-х гг. XVI в., находился на службе у стародубского наместника князя Федора Овчины Телепнева Оболенского и вместе с ним попал в литовский плен[32]. Однако достоверно увязать кого-то из них с Андреем Михайловым сыном пока не представляется возможным.

В своей местности он занимал заметное положение. Об этом свидетельствует приглашение его в качестве свидетеля урегулирования земельных споров. При чем из шести – восьми свидетелей имя Андрея стоит первым (в разъезжей даже раньше имени борисоглебского священника Федора), что говорит о его более высоком статусе.

Вернемся к вопросу происхождения мифа о принадлежности Мещерской Поросли «князю А. Шуйскому-Горбатову». В его решении нам помогла ссылка в работе А.В. Экземплярского, на небольшую заметку «Для истории Горбатова» в «Нижегородских губернских ведомостях» 1847 года. Ее автор Н. Шаганов частично процитировал отводную кн. И.Д. Мосальского и Лашука Владимировича. При этом к имени Андрея Горбатого был добавлен титул «князь», отсутствующий в подлиннике. В сноске указано, что автор пользовался «засвидетельствованной копией» из архива Горбатовской городской думы. Поэтому, не ясно присутствовало ли это искажение в списке или являлось продуктом осмысления документа Н. Шагановым. Необходимо отметить, что сам автор

никаких исторических выводов не привел. За него их сделал редактор Неофициальной части «Ведомостей» известный нижегородский краевед и писатель П.И. Мельников (Андрей Печерский). В сноске к имени «князя» он приписал его к сыновьям Михаила Васильевича Горбатого, указал на происхождение рода от великих князей нижегородских и на отсутствие такого князя в родословцах. Последнее обстоятельство не смутило редактора, и в другой сноске он объяснил происхождение названия города «фамилией старого вотчинника..., а не тем, что здесь гора имеет форму горба, как до сих пор многие объясняли»[33]. Влияние этой заметки на краеведческие тексты XX в. очевидно. Об этом красноречиво свидетельствуют такие элементы как титул, установление связи с местной княжеской династией, колебание между поместьем и вотчиной (в цитате из документа – поместье, в пояснении П.И. Мельникова – вотчина).

Возможно, первоначально влияние было опосредованным. Общий список литературы в книге Л.Л. Трубе о географических названиях области не упоминает обозначенную заметку, но включает издание «Городские поседения в Российской империи», где с соответствующей ссылкой работа Шаганова приводится почти полностью[34]. В тоже время здесь пока еще отсутствуют детали биографии Андрея Шуйского. Их мы находим в другом издании из списка Л.Л. Трубе – «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Здесь, наоборот владельцем назван А.М. Шуйский, приводятся сведения о нем, включая цитаты из псковского летописания, а Горбатые не упоминаются вовсе и объяснение названия города отсутствует[35]. Ясно, что не составители дорожной книги явились авторами этой версии. Однако откуда они ее позаимствовали, пока нам не известно. Слияние мифического Андрея Михайловича Горбатого с реальным Андреем Михайловичем Шуйским, вероятно, произошло в нижегородском краеведении советского периода.

Так, слабо обоснованная версия из небольшой заметки в местной газете распространилась в дореволюционных обобщающих трудах, а затем превратилась в общепризнанную «истину».

В заключении стоит отметить, что это не единственный миф, порожденный дореволюционными краеведами. Особенно заметный и влиятельный вклад внес здесь П.И. Мельников. Некорректное отождествление «старого городка» в описании событий XIII – XIV вв. из местного летописного источника «Нижегородского летописца» (XVII в.) с «Нижним Новгородом старым» в описании событий 40-х гг. XV в. из общерусских сводов XVI в. позволило ему выстроить версию о городе-предшественнике Нижнего Новгорода. А добавление от себя в цитату об оползне из «Нижегородского летописца» оборота «и на старый город», дало возможность объяснить исчезновение этого мифического поселения[36]. К его же работам восходит не подтверждающийся источниками рассказ о метком выстреле пленного «Феди Литвича» в ногайского мурзу во время осады Нижнего Новгорода в 1505 г. и строительстве на месте гибели мурзы Ильинской церкви[37]. Издавая текст купчей записи 1602 г., П.И. Мельников добавил к имени, упомянутого в ней Кузьмы Захарьина сына Сухорука, слово «Минин». Эта фальсификация надолго исказила представления общества об имени знаменитого патриота XVII в.[38]

Мы не в коей мере не стремимся умалить значение деятельности краеведов прошлого. Они работали в соответствии с современным им уровнем исторического знания в провинции и сделали очень много для развития региональной истории в России (в случае с названием города Горбатова отказ П.И. Мельникова от народной этимологии и обращение к документальным источникам значительный шаг вперед). Наша задача в другом – еще раз обратить внимание на необходимость осторожного отношения к историографическому наследию в области краеведения. Допущения и произвольные трактовки, которые часто встречаются у авторов позапрошлого столетия, в определенной степени оправданы. Однако современный исследователь не в праве позволить себе роскошь некритического заимствования построений своих предшественников.

Данный текст представляет собой исправленный и переработанный автором вариант более ранней статьи, вышедшей в 2010 г., но сданной в печать еще в 2007 г.: Чеченков П.В. Об одном

топонимическом недоразумении // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Вып 2. М.-Нижний Новгород: НИЭЛ, 2010. С. 99 – 108.

[1] Федеральная служба государственной статистики. База данных показателей муниципальных образований. –

<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst22/DBInet.cgi>

[2] Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. С. 82.

[3] См. прямую ссылку на работу Л.Л. Трубе в «Нижегородском топонимическом словаре» Н.В. Морохина.

[4] Трубе Л.Л. Наши города. Экономико-географические очерки о городах Горьковской и Арзамаской областей. Горький, 1954. С. 168. Дата в работе не аргументирована.

[5] Трубе Л.Л. Географические названия Горьковской области. Горький, 1962. С. 104.

[6] Трубе Л.Л. География Горьковской области. Учебное пособие. Горький, 1978. С. 170.

[7] Города нашей области. География, история, экономика, население, культура. / Сост. И.В. Сидорова; науч. ред. Л.Л. Трубе. Горький, 1974. С. 91 – 92.

[8] См., например: Княжев А.Б. Горбатов // Отечество мое Нижегородское. Книга для чтения / Сост. Г.С. Камерилова; под ред. Г.С. Камериловой, Н.В. Марохина. С. 252. Статья «Горбатов» в словаре «Города России», вышедшем в издательстве «Большая российская энциклопедия», ссылается, как на источник информации, на «Города нашей области». См.: Города России. Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М., 1994. С. 107 (объяснение названия здесь не приводится).

[9]http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2_%28%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%29

К разделу «История» в статье дана следующая сноска: «Изначально содержание раздела представляло собой дипломную работу Зайцевой Н. И. «История города Горбатова (конец XVIII-начало XX века)», руководитель д.и.н. Филатов Н. Ф., ННГУ, 1996».

[10] Имеется в виду период т.н. «боярского правления» во время

малолетства Ивана IV.

[11] Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси за татарский период, с 1328 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 440 – 441.

[12] Чеченков П.В. Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV – первой половине XV в. // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI в. Нижний Новгород, 2001. С. 45 – 57; он же. Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Н.Е. Носова. СПб., 2007. С. 94 – 105.

[13] Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 175 – 196.

[14] Чеченков П.В. Административно-территориальное устройство и управление на землях Городецкого удела в XV – середине XVI вв. // V Городецкие чтения. Городец, 2004. С. 77 – 91 (<http://radilov.ru/biblioteka/gorchtenya2004/832-administrativno-territorialnoe-ustroistvo-upravlenie-gorodets.html>); он же. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. С. 37 – 44.

[15] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М. – Л., 1950. № 52. С. 155 – 160.

[16] Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. Сборник Российского государственного архива древних актов. Вып. 7. М., 2002. С. 63 – 73; Чеченков П.В. Утверждение власти...; он же. Князья суздальского дома и борьба за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2003. С. 89 – 100.

[17] Зимин А.А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV – первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976. С. 62 – 64; он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине

XV- первой трети XVI в. М., 1988. С. 73 – 75.

[18] Зимин А.А. Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 89 – 91; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 41, 42, 193, 194.

[19] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 69, 73.

[20] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506 – 1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. № 35. С. 90 – 93.

[21] Зимин А.А. Суздальские и ростовские князья... С. 64; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 74; Аракчеев В.А. Псковский край в XV – XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 111.

[22] Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 265, 267; Флоря Б.Н. Иван Грозный... С. 44, 45.

[23] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 127, 131, 132. С. 257, 258, 261 – 264.

[24] Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3: Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1 (1498 – 1613 гг.) / Под ред. А.К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. 14. Нижний Новгород, 1913. № 25, 26. С. 38 – 41 [раздел. паг.].

[25] Зарядная запись впервые опубликована в 1998 г., разъезжая публиковалась дважды (1913, 1998 гг.). Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 135, 139. С. 267, 268, 273, 274. Материалы по истории Нижегородского края... № 29. С. 44.

[26] По-видимому, его поместье состояло не из одной деревни.

[27] Духовные и договорные грамоты... № 104. С. 443.

[28] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 4 (Дела десятен). Кн. 9 – 12. Подробнее об этих документах: Чеченков П.В. Десятни как источник изучения нижегородского служилого «города» // Открытый текст: электронное периодическое издание. [Н. Новгород], 2009. –<http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3103>.

[29] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 9. Л. 44 об.

- [30] РГАДА. Ф. 210. Алфавиты десятен «старые». Кн. 8. Л 6 – 93 об.
- [31] Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. А.А. Зимин. М.-Л., 1950. С. 168 – 169.
- [32] Памятники истории Восточной Европы: Источники XV – XVII вв. Т. II: «Выписка из Посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487 – 1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов. М. – Варшава, 1997. С. 129, 131, 134, 158, 256; Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М.М. Кром. М. – Варшава, 2002. С. 196 – 201.
- [33] Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1847. № 68. С. 269, 270.
- [34] Городские поседения в Российской империи. Т. 3. СПб., 1863. С. 305 – 306.
- [35] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 1. СПб., 1899. С. 419.
- [36] Подробнее см.: Чеченков П.В. Нижегородский кремль XIV – XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в. Н. Новгород, 2002. С. 111 – 118 (<http://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/?id=581>); Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII-первая треть XIII в.). Н. Новгород, 2003. С. 160 – 163 (<http://opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/pudalovbook1/?id=647>).
- [37] Чеченков П.В. Спорные вопросы истории Нижегородского кремля XIV – начала XVI в. // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Н. Новгород, 2010. С. 20 – 22.
- [38] Хачко А.Ю. Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 7 – 11.

Давыдов М.И. Две кабалы князя Ю. И. Мезецкого из архива Московского Богоявленского монастыря

Текст воспроизведен по изданию: Две кабалы князя Ю. И. Мезецкого из архива Московского Богоявленского монастыря // Русский дипломатарий, Вып. 9. М. Древлехранилище. 2003

Совсем недавно В. Д. Назаров и Т. Н. Алексинская опубликовали большую группу древнейших документов вотчинного архива Богоявленского монастыря, «что на Москве за Торгом», происходящих из копийной книги обители 1680-82 гг. 1 Анализируя историю этого сборника, В. Д. Назаров убедительно доказал, что он восходит к составленному в 1604 г. протографу, источники которого – подлинники и ранние списки богоявленских актов – были утрачены в Смуту 2. Вывод исследователя о гибели большей части архива обители подтверждается фактом отсутствия каких-либо позднейших известий о наличии в монастыре как оригиналов актов, так и материалов по его землевладению в XIV–XVI вв, не зафиксированных в копийной книге. Найденные же А. В. Антоновым в фонде Поместного приказа РГАДА списки (1660-х гг. и 1680 г.) двух богоявленских грамот XVI в, по всей видимости, также восходят к протографу копийной книги 1680-82 гг.; во всяком случае, в составе последней их тексты присутствуют 3.

В то же время наше несогласие вызывает занятая В. Д. Назаровым позиция в вопросе о путях дальнейшей реконструкции богоявленского вотчинного архива: по его мнению актами из копийного сборника, а также четырьмя синодиками вообще

«исчерпывается документальная база по истории монастыря» за период до XVII в. 4 Спорность этого утверждения возрастает после публикации В. Д. Назаровым и Т. Н. Алексинской в составе все той же подборки богоявленских актов правой грамоты 1578 г. из архива Троице-Сергиева монастыря, в состав которой включен текст явочной челобитной, поданной в 1576 г. богоявленскими старцами Ивану IV в ходе их тяжбы с троицкими властями относительно владельческой принадлежности села Алексина в Стародубе Рязанском 5.

Непонятно, почему исследователи обратили внимание лишь на один документ такого рода. Нам же известен целый ряд актов, имеющих непосредственное [259] отношение к Богоявленскому монастырю, хотя и происходящих из архивов других духовных корпораций. Семь из них освещают историю села Глумова и сельца (деревни) Банева в Суздальском уезде, отобранных Иваном Грозным в середине 1560-х гг. у богоявленского старца Ионы Протопопова (в качестве компенсации за конфискованные владения последний получил село Алексина в Стародубе Рязанском, которое впоследствии было завещано им Богоявленскому монастырю) 6. Это, во-первых, купчая князя Ивана Меньшого Михайлова сына Мезецкого у его старших братьев и очищальная запись последних на три жеребья села Глумова (1522/23 г.) 7; во-вторых, закладная кабала на то же село князя И. М. Мезецкого тестю – протопопу кремлевского Благовещенского собора Василию Кузьмичу (1523 г.) 8; в-третьих, отдельная грамота сыну Василия Кузьмича Ионе Протопопову, уже являвшемуся к тому времени богоявленским иноком, на сельцо Банево (1562/63 г.) 9; и наконец, в-четвертых, духовные Василия Кузьмича (1531/32 г.), его жены Марфы (1560/61 г.) и их внучки – княгини Авдотьи Ивановны Шемякиной Пронской (1564/65 г.), в которых оговаривались условия перехода села Глумова и сельца Банева в собственность Богоявленского монастыря 10. Еще в двух актах Иона Протопопов выступает уже как владелец села Алексина в Стародубе Рязанском – в разъезжей на земли сел Алексина, Лучкина и Васильевского (1566/67 г.) и в жалованной тарханно-оброчной и несудимой грамоте митрополита Кирилла причту

церквей Рождества Богородицы в селе Алексине и Архангела Михаила в селе Лучкине (1569 г.; см. также подтверждение митрополита Антония 1573 г.) 11. Другая богоявленская вотчина в Стародубе – село Дубакино фигурирует в разъезжей землям князя Ивана Борисовича Ромодановского с землями князя Юрия Ивановича Шапкина Мезецкого и Богоявленского монастыря (1567 г.) 12. Итого 10 актов.

Конечно, эта цифра условна, поскольку нам точно не известно, все ли указанные выше акты действительно попали (хотя бы на непродолжительное время) в руки богоявленских старцев. В то же время не вызывает сомнения факт присутствия в стенах обители в середине 70-х гг. XVI в. документов вотчинного архива Протопоповых. По свидетельству богоявленских властей крепости Протопоповых в 1576 г. были выкрадены слугой того же монастыря Р. В. Копиловым (Капиловым) и переданы им братии Троице-Сергиевой обители 13. Выдвинутая богоявленскими иноками версия об обстоятельствах утраты интересующих нас материалов похожа близка к истине. Во-первых, лишь она дает простое и убедительное объяснение тому, как акты Протопоповых, не [260] принадлежавших к числу вкладчиков Троице-Сергиева монастыря, очутились в составе архива последнего. Во-вторых, именно отсутствие в Богоявленском монастыре владельческой документации на село Алексино в Стародубе послужило основным аргументом для вынесения судебного решения о передаче указанной вотчины в собственность троицкой корпорации, располагавшей всеми необходимыми бумагами 14. Наконец, в-третьих, причастность Р. В. Копилова к краже подтверждается известием о том, что в начале 90-х гг. XVI в. он в качестве слуги уже Троице-Сергиева монастыря проживал в одной из деревень, тянувшей все к тому же селу Алексину 15.

Думаем, что древность Богоявленского монастыря, а также обширность его владений позволяют надеяться на возможность обнаружения и других ранее неизвестных богоявленских актов XV-XVI вв. Наиболее перспективной областью их поиска мы считаем архивы крупнейших духовных корпораций Москвы и Замосковского

края. Об оправданности такого рода ожиданий свидетельствуют две публикуемые ниже кабалы, происходящие из фондов Государственного архива Владимирской области (ГАВО).

Первая кабала, отложившаяся в документах Суздальского Покровского девичьего монастыря 16, в 1996 г. была издана С. М. Каштановым 17. В публикации исследователь не смог идентифицировать личности послухов, а главное атрибутировать акт как принадлежащий архиву московского Богоявленского монастыря 18. Поскольку именно по этой причине грамота не попала в вышедшие в свет позднее хронологический перечень актов обители А. В. Антонова и подборку богоявленских актов, подготовленную В. Д. Назаровым и Т. Н. Алексинской, мы считаем необходимым осуществить повторную публикацию этого источника.

К настоящему времени сохранился лишь конец кабалы, содержащий перечень послухов и их рукоприкладства. Тем не менее, принадлежность грамоты архиву Богоявленского монастыря доказывается предшествующим ее тексту заголовком, составленным архивными работниками во время формирования дела (до 4 июля 1941 г.): «1559. Заемная запись князя Юрия Мезецкова Шапкина. (Занял деньги 40 р. у Богоявленских старцев под залог мельницы)» 19. Следовательно, начало акта было утрачено не ранее 40-х гг. XX в.: вероятнее всего, это произошло при расклеивании столбцов с текстом кабалы. Упомянутых в заголовке грамоты «богоявленских старцев» мы склонны отождествлять с братией московского Богоявленского монастыря: власти именно этой обители еще по крайней мере дважды предоставляли ссуды князю Ю. И. Шапкину Мезецкому (подробнее см. ниже), тогда как о характере контактов и мотивах сотрудничества последнего с другими духовными корпорациями приходится только догадываться. [261] Дополнительным, хотя и косвенным аргументом в пользу нашей точки зрения является факт присутствия среди послухов кабалы дьяка Дмитрия Васильева, имя которого мы также находим и во втором публикуемом нами акте, чья принадлежность архиву московского Богоявленского монастыря не вызывает сомнений.

Ответ на вопрос, как рассматриваемая кабала попала в собрание покровских актов, дает локализация отданной князем в заклад мельницы. Сам факт обнаружения источника в документах Покровского монастыря уже свидетельствует о переходе в собственность обители каких-то земель, ранее принадлежавших князю Ю. И. Шапкину Мезецкому. Единственной известной вотчиной князя является село Васильевское (ныне Шапкино) в Стародубе Рязанском. К селу тянули деревни и угодья по обоим берегам нижнего течения реки Шижехты и по левому берегу реки Клязьмы, в которую Шижехта впадает 20. Значит, именно в этом районе нужно искать владения Покровского монастыря, а на их территории то место, где располагалась мельница, заложенная князем Ю. И. Шапкиным Мезецким Богоявленскому монастырю. И действительно, в писцовых книгах XVII в. на реке Шижехте мы находим небольшую вотчину Покровского монастыря (2 деревни и 8 пустошей), полученную обителью в 1567/68 г. от князя Ивана Борисовича Ромодановского 21. Сама данная князя И. Б. Ромодановского Покровскому монастырю пока не отыскана, однако в ее изложении отмечено, что вклад был сделан князем «в Стародубе Рязанском в Олексине на вотчину свою куплю селцо деревню Щетининскую з деревнями да с мел[н]ицею на реке на Шижехте» 22. Шесть деревень этой вотчины князь купил в 1553/54 г. у князя Василия Ивановича Коврова, которому они достались в качестве приданного от тестя, князя Семена Михайловича Мезецкого 23. Неясны обстоятельства приобретения князем И. Б. Ромодановским остальной части впоследствии переданной им в Покровский монастырь вотчины – сельца Щетининского с деревнями Нестерово, Княгининская (Княжье) и починком Коромысловым, а также мельницы на реке Шижехте. Тем не менее факт соседства всего этого вотчинного комплекса в 1567 г. лишь с одним светским землевладельцем – князем Ю. И. Шапкиным Мезецким 24, – подводит нас к выводу о том, что только ему названные поселения могли принадлежать по крайней мере до конца 1550-х гг., и что под залог именно этой мельницы ему пришлось занимать деньги у богоявленских старцев. Следовательно, интересующая нас кабала, равно как и упомянутая выше купчая (продажная) князя В. И. Коврова, была передана Покровскому

монастырю князем И. Б. Ромодановским в качестве дополнительной [262] владельческой документации, подтверждавшей законность совершенного им вклада в эту обитель. Кстати, при обращении к актам нельзя не заметить, что указанные владения князя Ю. И. Шапкина Мезецкого (как те, что были проданы им князю И. Б. Ромодановскому, так и те, что фигурировали в составе его вотчины в 1567 г.) лежали чересполосно основному массиву его вотчины, а рассматриваемая мельница находилась значительно выше по течению Шижехты, нежели мельница принадлежавшая в 1538 г. его отцу 25. На наш взгляд, данное противоречие объясняется следующим образом. Дело в том, что еще ранее земли в среднем течении реки Шижехты принадлежали бездетному князю Петру Михайловичу Мезецкому. В документах наиболее подробно освещена судьба лишь той части расположенных в указанном районе выморочных владений последнего, что досталась его брату князю С. М. Мезецкому: в 40-е гг. XVI в. тот отдал их в приданное зятям князю В. И. Коврову и князю П. Б. Пожарскому, а деревню Дубакинскую (Дубакино), впоследствии ставшую центром стародубской вотчины Богоявленского монастыря, продал княгине Авдотье Горбатой 26. В свете этих данных мы вполне можем заключить, что и находившаяся поблизости от них анклавная вотчина князя Ю. И. Шапкина Мезецкого, состоявшая из ряда деревень и мельницы на реке Шижехте, была получена им, вероятнее всего, также по наследству от князя П. М. Мезецкого.

Обратимся к рассмотрению второй кабалы. Она была обнаружена в одном из дел Владимирской губернской межевой канцелярии, которое представляет собой сравнительно поздний (1747 г.) список писцовой книги Я. П. Вельяминова и подьячего Ф. Андреева на владения Троице-Сергиева монастыря в Стародубе Рязополовском, составленной ими в 1592/93-1593/94 гг. и впоследствии опубликованной Н. В. Калачовым 27. Список писцовой книги из ГАВО имеет две особенности. Во-первых, следует отметить многочисленные разночтения между ним и другими, хранящимися в РГАДА 28 и РГБ 29, более ранними списками этого источника. Как ни странно, варианты, предлагаемые списком ГАВО, в подавляющем большинстве случаев

являются более полными и органичнее вписываются в общую структуру текста 30. Во-вторых, он включает в себя [263] следующие ранее неизвестные тексты, отражающие деятельность вышеназванных писцов на территории Стародуба: писцовое описание пустошей Перхово-Пелхово и Коптевской-Юрково, находившихся в споре между Троице-Сергиевым монастырем и князем Иваном Юрьевичем Мезецким; писцовое описание деревень Тезебино и Кулаково, чья принадлежность Троице-Сергиеву монастырю не была подкреплена документально; межевое описание землям села Алексина Троице-Сергиева монастыря с землями села Васильевского князя И. Ю. Мезецкого 31. Присутствие указанных текстов в составе писцовой книги из ГАВО позволяет утверждать, что последняя, в отличие от других списков рассматриваемого источника, восходит непосредственно к черновику описания троицких вотчин, копия которого была вручена писцами монастырскому приказчику в Стародубе Ряполовском вскоре после окончания своей работы, тогда как в утвержденный впоследствии в Москве белой вариант писцовой книги указанные материалы уже не вошли. Кстати, именно полный вариант писцового описания стародубских вотчин Троице-Сергиева монастыря 1592/93–1593/94 гг. привлекался для составления в 1598-99 гг. платежной книги обители 32. Присутствующее в платежной книге известие о передаче в 1596/97 г. спорных пустошей Перхово-Пелхово и Коптевской-Юрково князю И. Ю. Мезецкому 33 раскрывает нам причину, по которой описание этих владений не было включено в окончательную редакцию интересующей нас писцовой книги. Почему туда не попало также и описание деревень Тезебино и Кулаково, мы не знаем. Заметим лишь, что троицкие власти в конце концов все же сумели доказать правомочность своих притязаний на обладание ими (скорее всего для этих целей была привлечена жалованная данная грамота князя С. И. Хрипуна Ряполовского, по которой монастырь еще в XV в. получил деревню Тезебино) 34 и не позднее конца 20-х – начала 30-х гг. XVII в. добились их возвращения в состав своей латифундии 35.

Среди вновь найденных документов наибольший интерес вызывает писцовое описание спорных пустошей Перхово-Пелхово и

Коптевской-Юрково, поскольку в него включен текст неизвестной по другим источникам закладной кабалы князя Юрия Ивановича Шапкина Мезецкого властям Богоявленского монастыря, согласно которой зимой 1560 г. обитель предоставила князю крупную (60 рублей) ссуду под залог последней части своей вотчины в Стародубе Рязанском. Принадлежность кабалы архиву именно московского (а не какого-либо другого) Богоявленского монастыря устанавливается по упоминанию в ней игумена Феодосия, но в большей степени благодаря отмеченному в писцовом [264] описании заявлению князя И. Ю. Мезецкого о том, что «золожил был отец его те деревни у Богоявленскова монастыря, что на Москве за Торгом» 36.

Примечательно, что в обоих актах контрагентом богоявленских старцев выступает князь Юрий Иванович Шапкин Мезецкий. Сведений о нем сохранилось немного. В официальной документации его имя встречается лишь однажды: в тексте Дворовой тетради он вместе с дядей князем Семеном Михайловичем Мезецким показан помещиком в Стародубе 37. По верному замечанию В. Б. Кобриня применительно к князьям Мезецким термин «помещик» был употреблен источником в его архаическом значении, «когда помещиком называли всякого служилого человека, перемещенного на новое место» 38. И действительно, князья Мезецкие обосновались в Стародубе Рязанском лишь на рубеже XV–XVI столетий, после того как князь Михаил Романович Мезецкий по обмену с Иваном III получил в вотчину территорию бывшего Алексинского стана 39. Не входя в корпорацию стародубских княжат, Мезецкие не подпадали под ограничительные статьи уложений о вотчинах Ивана III и Василия III и Соборного приговора 1551 г., а потому активно продавали, закладывали и давали в монастыри свои земли. В частности, интересующий нас князь Ю. И. Шапкин Мезецкий только в 50-60-е гг. XVI в. несколько раз получал ссуды под залог доставшихся ему по наследству владений. Так, все тому же Богоявленскому монастырю он заложил в 10 рублях пустошь Коптевскую-Юрково 40, а своей кузине княгине Авдотье Ивановне Шемякиной Пронской – две деревни в 15 рублях; в духовной (1564/65 г.) княгиня, простив

указанный долг, завещала ему еще десять деревень, тянувших к ее селу Алексину 41, которые тот скорее всего не получил: в писцовом описании 1592/93–1593/94 гг. в составе вотчинного комплекса села Алексина фигурируют по меньшей мере семь из десяти предназначавшихся князю деревень 42, равно как и деревни, которые по тому же завещанию должны были унаследовать княгини М. С. Коврова и Ф. С. Пожарская 43. Завершая рассмотрение вопроса о землевладении князя Ю. И. Шапкина Мезецкого, отметим, что еще в 1540-50-е гг. [265] князь отдал в заклад брату тестя Семену Дмитриевичу Пешкову Сабурову приданную вотчину своей супруги сельцо Босиху в Костромском уезде 44.

Отмеченные эпизоды из жизни князя Ю. И. Шапкина Мезецкого красноречиво говорят об одном: к началу 1560-х гг. его финансы были изрядно расстроены, что и стало мотивом сотрудничества разорившегося аристократа с богоявленскими старцами. Но и сам монастырь был сильно заинтересован в закабалении князя. На эту мысль наводит географическая локализация упомянутых во второй кабале поселений, два из которых – Пельхово и Сергеево существуют и в настоящее время. Примерно в четырех километрах к западу от них находится деревня Дубакино, с 1558 г. ставшее центром стародубской вотчины Богоявленского монастыря 45. Тут же располагались и другие владения князя Ю. И. Шапкина Мезецкого, которые он закладывал богоявленским старцам: в трех километрах к северу от деревни Дубакино стояла мельница на реке Шижехте, а вблизи нее – деревня Коптево (Коптевская, Юрково тож), запустевшая еще в середине XVI в. 46 Вывод очевиден: ссужая деньги своему титулованному соседу, обитель прежде всего заботилась о расширении и округлении собственной латифундии, преследуя, в конечном счете, цель создания крупной монастырской вотчины в северо-западной части Стародуба Ряполовского. Однако вопреки расчетам монахов на некредитоспособность князя тому все же удалось выкупить (возможно чужими деньгами, поскольку сам он вряд ли располагал свободными средствами) заложенные мельницу и деревни, и если мельница, как было показано выше, вскоре оказалась в вотчине

Суздальского Покровского монастыря, то деревнями его сын продолжал владеть и в 90-х гг. XVI в. 47

Обратим внимание, что текст второй кабалы сообщает оригинальные известия о действовавших на рубеже 50-60-х гг. XVI в. семи неизвестных ранее членах братии Богоявленского монастыря, причем у троих из них указаны фамильные прозвища. К сожалению, ввиду недостатка имеющихся у нас данных о келаре Сергии Шихове и соборном старце Павле Кубасове, сказать что-либо определенное об этих лицах не представляется возможным 48. Зато [266] принадлежность Севастьяна Ласкирева к знатному греческому роду Ласкиревых, происходивших от Федора Дмитриевича Ласкаря, выехавшего на Русь из Венгрии в 1496 г. 49, не вызывает сомнений. Учитывая то обстоятельство, что разбиравшиеся в финансовых вопросах обрусевшие греки Ховрины (с отраслями Головиных и Третьяковых) и Траханиоты в XV–XVII вв. часто служили казначеями при государях, полагаем, что факт выполнения Севастьяном Ласкиревым обязанностей хранителя монастырской казны тоже не случаен и был вызван его знакомством с практикой ведения хозяйства и торговли другими греками, обосновавшимися в России.

Перейдем к характеристике личностей послухов. Имя лишь одного из них – дьяка Дмитрия Васильева, балахонского городского приказщика, присутствует в обеих публикуемых кабалах. В Стародубе Ряполовском, в соловарной слободе Холуе, располагавшейся неподалеку от владений князя Ю. И. Шапкина Мезецкого, ему принадлежала варница, которую он вместе с сыном Петром в 1546/47 г. дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь 50. На основании этих фактов можно полагать, что в ходе сделок он представлял сторону князя, а не Богоявленского монастыря. Кроме того дьяк Дмитрий Васильев в середине 50-х гг. XVI в. упоминается в ряде актов по Костроме и Бежецку 51.

В первой кабале допущена ошибка в написании фамилии другого балахонца, губного старосты – вместо «Сротькин» следует читать «Строкин»: именно последний вариант мы находим в одном из холуйских актов 1541/42 г., в котором Савва Власьев сын

Строкин выступал послухом 52.

На фоне остальных послухов своим происхождением и статусом выделяется князь Василий Иванович Ковров, тысячник III статьи по Стародубу 53. Он состоял в близком свойстве с князем Ю. И. Шапкиным Мезецким благодаря браку с кузиной последнего княжной Марией Семеновной Мезецкой. В 1554/55– 1558 гг. князь В. И. Ковров несколько раз послушествовал в стародубских актах 54. Последнее прижизненное упоминание о нем сохранила вкладная книга [267] Троице-Сергиева монастыря: 16 февраля 1560 г. князь выкупил у обители вкладную вотчину тестя 55. Как явствует из составленной в середине XVIII в. записи текстов надгробий на ковровском кладбище при церкви Иоанна Воина, скончался князь 7 мая 1563 г. 56 Впрочем, с подачи К. Н. Тихонравова, лично изучавшего некрополь князей Ковровых, в литературе прочно утвердилась иная дата его кончины – 1561/62 г. 57 Ответить на вопрос, какая из этих датировок верна, к сожалению, уже невозможно, поскольку в 1934 г. старое кладбище в городе Коврове было уничтожено, а на его месте разбит парк 58.

О других послухах сведений меньше. Подьячий Миня Стефанов сын Протопопов в 1544-45 гг. под началом писца П. И. Квашнина описывал земли Костромского уезда, а в 1550-х гг. выступал послухом в Угличе и Переславле 59. Алексей Алферьев сын Дворянинов в 1566/67 г. послушествовал в одном из бежецких актов Симонова монастыря, а в 1569/70 г. оформлял текст купчей на земли в Московском уезде 60. Составитель второй кабалы – Федор Иванов сын Фаев – в начале 1560-х гг. известен как послух при земельных сделках в Костромском и Звенигородском уездах 61. В 1568 г. он служил подьячим в Великом Новгороде 62. Идентифицировать остальных лиц не удалось; лишь Кобяка Данилова сына Оляхова ввиду редкости его фамилии можно с большой долей уверенности считать выходцем из рода мелких вотчинников Оляховых (Алеуковых), имевших земли в Волоцком, Звенигородском и Рузском уездах 63.

Где писалась первая кабала сказать трудно, поскольку

значительная часть ее текста утрачена. Принимая во внимание связь упомянутых в акте балахонцев с холуйскими соляными промыслами, нельзя исключать возможность [268] составления грамоты на территории Стародуба Рязполовского. В то же время, сопоставив показания второй кабалы, фиксирующей имена восьми ведущих членов братии Богоявленского монастыря, с доступным нам комплексом известий о послухах, из которых лишь двое (князь В. И. Ковров и дьяк Дмитрий Васильев) были тесно связаны с князем Ю. И. Шапкиным Мезецким, мы можем сделать вывод о том, что указанный документ был оформлен в Москве, скорее всего в стенах самой обители.

Комментарии

1. АРГ. АММС. М., 1998. № 28-81, 83-88, 91-93
2. Там же. С. 109-111.
3. Ср. Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV–начала XVII века // РД. М., 1997. Вып. 2. С. 188. № 723, С. 189. № 729; АРГ. АММС. М. 1998 № 64, 70.
4. АРГ. АММС. М., 1998. С. 91.
5. Там же. № 82. С. 201.
6. АРГ. АММС. М., 1998. № 92. С. 219-220.
7. АРГ. М.; 1975. № 214, 215.
8. Там же. № 219.
9. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 546. Суздаль. Л. 15 об.- 26.
10. РГБ. Ф. 303/I. № 281; там же. Ф. 303/II. Кн. 546. Суздаль. Л. 6-15; РГАДА. Ф. 281. Суздаль. № 48/11827; см. также АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 203-205.
11. АСЕМ. М, 1998. № 147; Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. СПб, 1900. Вып. I. (отдельный

оттиск). С. 11 (то же см.: Архив П. М. Строева. Т. 1 // Русская историческая библиотека. Петроград, 1915. Т. 32. № 239).

12. АСЕМ. М., 1998. № 149.

13. АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 201.

14. Там же. № 82. С. 209.

15. РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 271/2048. Л 202

16. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 34. Л. 7.

17. Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М., 1996. С. 201-202.

18. Справедливости ради отметим, что уверенно говорить о принадлежности кабалы архиву именно Московского Богоявленского монастыря стало возможным лишь после обнаружения второй публикуемой нами кабалы, текст которой С. М. Каштанову не был известен.

19. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 34. Б/п (между Л. 6 и 7).

20. АСЕМ. М., 1998. № 37. С. 97-98; АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 207-208; Ивановская область. Топографическая карта. М., 1997. С. 20, 21.

21. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Ч. II. Л. 1300-1304 об.

22. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 421. Л. 13. Через некоторое время после совершения вклада мельница запустела: писцовое описание стародубской вотчины Покровского монастыря (см. предыдущее примечание) уже не упоминает о ней.

23. Текст указанной купчей-продажной князя В. И. Коврова князю И. Б. Ромодановскому и характеристику обстоятельств совершения сделки см. в нашей статье: Давыдов М. И. Место родственных и корпоративных связей в повседневной жизни феодалов Московии (анализ частного случая отчуждения светской вотчины в середине

XVI века) // Управление экономической и социальной сферой: история и современность. М., 2001. С. 145-155.

24. АСЕМ. М., 1998. № 149. С. 305-306.

25. Первая мельница располагалась вблизи устья реки Черной, правого притока Шижехты (АСЕМ. М, 1998. № 149. С. 306), а вторая между устьями рек Колбаши (Колбаски) и Бабьей (Бабачки), также правых притоков Шижехты (АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 208). Таким образом, расстояние между мельницами могло составлять от 4 до 8 км: Российский Государственный военно-исторический архив. Фонд Военно-ученого архива. № 21272: Семитопографическая карта Владимирской губернии, составленная чиновниками Департамента государственных имуществ (1813 г.). Л. 13.

26. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 545. Суздаль. Л. 63; АРГ. АММС. М., 1998. № 60. С. 149; № 61. С. 150. О принадлежности деревни Дубакинской князю П. М. Мезецкому см. там же № 82. С. 208.

27. ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 1-59; ПКМГ. СПб., 1872. Т. 1. С. 858-872 (публикация Н. В. Калачова содержит большое количество пропусков и искажений в передаче текста)

28. РГАДА. Ф. 281. Владимир. № 271/2048. Л. 169-228 (противень властей Троице-Сергиева монастыря середины 90-х гг. XVI в.).

29. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 608. Л. 107 об.-155 (монастырский список первой половины XVII в.); там же. Кн. 632. Л. 283-338 об. (монастырский список 70-х гг. XVII в.).

30. Помимо оригинальных вариантов список ГАВО содержит не обнаруженное нами в других списках писцовое описание деревни Шистино, тянувшей к селу Алексину (ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 29 об, -30). Скорее всего это не позднейшая интерполяция, поскольку данное поселение можно с большой долей уверенности отождествить с деревней Шестиново, принадлежавшей в 1538/39 г. княжне А. И. Мезецкой (АРГ АММС. № 82. С. 206), известной как вкладчица села Алексина в Троице-Ссргиев монастырь (там же. №

82. С. 202-205).

31. ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 49-52, 52-53 об., 53 об.-55 об.

32. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 569. Л. 70-72 об.

33. Там же. Л. 72.

34. АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 350. С. 256-257.

35. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11320. Ч. 2. Л. 1429-1430.

36. ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 50.

37. ТКДТ. М.-Л., 1950. С. 123. О низком социальном статусе князя свидетельствует форма написания его имени в источнике: «Юшка княж Иванов сын Шапцын Мезецкого».

38. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 100.

39. ДДГ. М.-Л., 1950. № 89. С. 355.

40. По словам князя И. Ю. Мезецкого его отец заложил пустошь всей братии Богоявленского монастыря (ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 50). В то же время проведенный Я. П. Вельяминовым и Ф. Андреевым обыск показал, что деньги князю были предоставлены не казной обители, а его близким свойственником богоявленским старцем Ионой Протопоповым (Там же. Л. 49 об., 52). Трудно сказать, какое из этих утверждений истинно. Ясно одно: в любом случае власти монастыря были в курсе происходящего.

41. АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 203.

42. ПКМГ. СПб., 1872. Т. 1. С. 866, 869, 870. Еще две деревни – Лихорево и Бабишкино – предположительно можно отождествить с упомянутыми в том же описании деревней, что была пустошь Лихотеево и деревней, что был починок Бобашкин (там же. С. 866, 869). Не удалось проследить владельческую историю лишь одного поселения – деревни Голощапово.

43. АРГ. АММС. М., 1998. № 82. С. 203. Три деревни из четырех отождествляются без затруднений (ПКМГ. СПб., 1872. Т. 1.С. 868), четвертая – Голево, или Даголево (текст завещания допускает оба варианта прочтения), – может быть соотнесена с деревней Догулево, описанной в писцовой книге следом за предыдущими тремя деревнями (там же. С. 869).

44. Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. № 13. С. 44.

45. Ивановская область. Топографическая карта... С. 20, 21; АРГ. АММС. М., 1998. № 60. С. 149; № 61. С. 151.

46. АССЕМ. М., 1998. № 149. С. 305–306. Примерное местонахождение деревни Коптево устанавливается по факту ее соседства с деревней Княгининской (Княгинихой), см.: Ивановская область. Топографическая карта... С. 20, 21.

47. ГАВО. Ф. 417. Оп. 3. № 10. Л. 52 («А в обыску сказали: пустошь Перхово да пустошь Коптевская, Юркову тоже <...> князь Иван княж Юрьев сын Мезецкой те пустоши выкупил, а и владеет ими князь Иван»), Кстати, сам князь И. Ю. Мезецкий утверждал, что пустоши выкупил еще его отец (Там же. Л. 50, 50 об.). Данное противоречие можно объяснить как небрежностью писца Я. П. Вельяминова и подьячего Ф. Андреева в оформлении текста писцового описания, так и их непрофессионализмом в проведении следственных мероприятий относительно владельческой принадлежности спорных пустошей.

48. С. Б. Веселовскому были известны Захарий Карпович Кубасов, убитый в 1578 г. под Кесью, и Павел Леонтьевич Шихов, упомянутый в 1518 г. в тексте одного из бежецких актов (Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 167, 370), однако были ли они родственниками или однофамильцами богоявленских старцев, не известно.

49. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV– первой трети XVI в. М., 1988. С. 275.

50. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 522. Л. 161 об.-162. Слобода, ныне поселок Холуй находится в низовьях реки Тезы (см.: Ивановская область. Топографическая карта... С. 21).

51. Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М, 1899. Вып. 1. С. 7. № 26; там же. М., 1917. Вып. 4. С. 88. № 91.

52. РГБ. Ф. 303/II. Кн. 522. Л. 165 об, –166 об. Кстати, в этом же акте фигурируют также имена выходцев из Устюга и Переславля. Нам кажется, что факт присутствия в холуйских актах 40-х гг. XVI в. балахонцев, устюжан и переяславцев отнюдь не случаен. Скорее всего представители этих регионов, известных традициями солеварения, привлекались в Холуй в качестве специалистов для организации здесь нового крупного центра производства соли (ср. с выводом М. С. Черкасовой о том, что именно в указанное время в Холуе происходило становление соляного промысла Троице-Сергиева и приписного к нему Киржачского Благовещенского монастырей: Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М, 1996. С. 121).

53. ТКДТ. М.-Л., 1950. С. 63.

54. АСЕМ. М., 1998. № 85. С. 156; № 86. С. 157; № 102. С. 231; № 105. С. 235. В последнем акте он следил за исполнением последней воли своего тестя, завещавшего перед смертью несколько деревень Суздальскому Снасо-Евфимьеву монастырю.

55. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М, 1987. С. 51.

56. РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Св. 244. № 20. Автор благодарит А. В. Маштафарова за возможность ознакомиться с текстом этого источника.

57. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. / Сост. К. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 44; Историко-статистическое описание города Коврова (Владимирской губернии) с уездом. / Сост. И. Ф. Токмаков. М., 1903. С. 2. На работу И.

Ф. Токмакова в свою очередь ссылались Л. М. Савелоц, А. Л. Юрганов и Н. В. и Э. В. Фроловы: Савелов Л. М. Князя Ковровы // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любанского. Пг., 1917. С. 289; Юрганов А. Л. О стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 40, 41; Фролов И. В., Фролова Э. В. История земли Ковровской. Ковров, 1997. Т. 1. С. 68.

58. Фролов Н. В., Фролова Э. В. История земли Ковровской... С. 65.

59. Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI–начала XVII века // РД. М., 2001. Вып. 7. № 108. С. 214; АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря 1506–1613 гг. Л., 1983. № 101. С. 113; № 105. С. 117; Шумаков С. А. Обзор грамот... Вып. 4. С. 297. № 920.

60. АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983. № 156. С. 203; Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. 3. № 45. С. 249.

61. Шумаков С. А. Обзор грамот... Вып. 4. С. 58. № 66; АРГ. АММС. № 76. С. 191.

62. Баранов К. В. Новые документы по истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI–начала XVII века // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 125. № 6.

63. О них см.: АФЗХ. М., 1956. Т. 2. № 39. С. 41; № 243. С. 245; ПКМГ. СПб., 1877. Т. 2. С. 592–593; Рузский уезд по писцовым книгам 1567–1569 гг. М., 1997. С. 72, 133; Веселовский С. Б. Ономастикон... С. 12.

Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского

Источник: В.Д. Назаров. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной России. – М.: Покрова, 2000. С. 29-58

В архиве Троице-Сергиевой обители сохранились два документа, оформившие один, по существу, акт дарения, а именно передачу в качестве поминального вклада князем Федором Андреевичем двух озер в вотчину монастыря.

Оба текста печатались не единожды, к ним неоднократно обращались исследователи. Стоит только назвать недавние монографии В.Б. Кобрин и М.С. Черкасовой [1]. Тем не менее новое внимательное прочтение казалось бы сухих и весьма небольших грамот обнаруживает значительную по объему информацию, до сих пор скрытую от ученых. Заметим, что в книге М.С. Черкасовой лишь кратко упомянут факт вклада с ограниченным, очень скудным комментарием по использованной литературе [2]. Никаких собственных вопросов источникам автор не задала. А они очевидны. Первый относится к датировке документов (в последней публикации она предельно широка), к их взаимной последовательности. В.Б. Кобрин, к примеру, условно принял относительную хронологию грамот, вытекающую из порядка издания в АСЭИ, но при этом подчеркнул неясность реальной их последовательности [3]. Но ведь взаимоотношения близких по главному содержанию текстов определяют мотивы выдачи именно двух, а не одного акта. Далее, не собран весь контекст по поводу объектов пожалования и его условий. Помимо прочего, дар князя Федора является одним из древнейших в ряду родовых

поминальных вкладов. Наконец, обе грамоты обладают уникальной и не вполне совпадающей информацией по внутреннему устройству Стародубского княжества. Ряд интересных наблюдений в этом плане сделал В.Б. Кобрин [4], но некоторые его выводы неверны, а другие требуют развития. Из сказанного понятно, о чем в дальнейшем пойдет речь. Добавим лишь, что для первой трети XV в. и для такой разновидности документов (данные грамоты раннего типа) все выводы могут носить, конечно же, вероятностный характер.

Pc155876.jpg

Жалованная грамота царя Ивана Васильевича
игумену Троице-Сергиева монастыря

Артемию на село Остафьево 1552 года октября 27

1. Датировка и последовательность актов

С.Б. Веселовский, определяя хронологические рамки данных князя Федора Андреевича, исходил из дат настоятельства в монастыре Никона. Именно он назван в обеих грамотах. Поскольку сам Федор Андреевич, помимо родословных росписей Стародубских Рюриковичей, известен только по этим текстам, постольку значение имеет лишь хронология игуменства Никона в обители. В предельно широком выражении (без учета лет настоятельства Саввы) это 1392-1427 гг. (ничто не меняет здесь 1428 г., который недавно вновь предложил Б.М. Клосс, основываясь на мартовском летоисчислении [5]; полагаем, впрочем, что исследователь не привел пока серьезных аргументов в пользу своего мнения). Есть, однако, одна важная деталь, позволяющая предельно сузить датировку документов. Имеем ввиду то, как именуется монастырь. Весь корпус актов, связанных с именем Никона, четко делится на две группы. В одних текстах обитель именуется по своему главному посвящению – «святыя Троицы» (есть стилистические варианты, сейчас для нас несущественные). В других текстах монастырь обретает и второе наименование, по имени основателя – Сергия (здесь также налицо крайне незначительные отличия) [6].

Подчеркнем, что речь идет о юридически значимых документах, которые могли стать едва ли не важнейшим аргументом в почти неизбежных имущественных спорах. Поэтому данное различие вполне закономерно, оно соответствовало правовой ментальности тогдашнего общества. Оно коренилось также в представлениях того времени о святости и о том, как она опознается. Едва ли не решающим здесь было – в ряду иных прижизненных и посмертных чудес – обретение мощей, пока еще неканонизированного святого. Оно состоялось 5 июля 1422 г., после чего было установлено местное почитание Сергия [7]. Думаем, однако, что одного этого в глазах людей той эпохи (конечно, соответствующего положения) было недостаточно для устойчивого именованья монастыря Сергеевым. Новый преподобный должен был обрести достойное его место упокоения, а именно каменный храм-реликварий. В Житии Никона возведение Троицкого собора из камня связано с фактом «ископания» мощей Сергия. Точные даты стройки источникам неизвестны. Совокупность же косвенных показаний позволяет ограничить собственно строительство (с учетом скромных размеров храма, но за вычетом времени на роспись внутренних стен, а, возможно, и полной их отделки) двумя, максимум тремя строительными сезонами. Иными словами, собор возвели в 1422-1423 гг. или в 1422-1424 гг. Учтем, что освящение церкви (его дату мы также не знаем) не предусматривало полного завершения абсолютно всех работ. Это относится и к фресковой росписи, и к полноте комплекта икон, и к завершенности всех видов отделки. Поэтому имеющиеся в литературе датировки завершения постройки Троицкого собора – 1426 г. (по Б.М. Клоссу), 1428 г. (по Е.Е. Голубинскому) – представляются неоправданно затянутыми, к тому же основанными на формальных признаках или же неточном понимании житийного текста [8].

Приведем дополнительные аргументы в пользу предложенной датировки. Как хорошо известно, 1425-1427 гг. были временем ужасающей пандемии, последовательно опустошившей практически все княжества и земли Северо-Восточной Руси. Апогей первой волны пришелся на лето-осень 1425 г. Говорить в таких условиях о значительных строительных работах в камне не приходится,

равно как в 1426-1427 гг. Менее пагубным, но вполне тяжким был голод, разразившийся лютой зимой 1421- 1422 гг [9]. В этом, кстати, один из возможных реальных мотивов обращения за помощью к Сергию, для чего потребовались обретение мощей и местная его канонизация. Сообразуя приведенные факты, а также логические выкладки, приходим к выводу: строительство храма было начато летом 1422 г., завершено полностью или в основном в строительный сезон 1423 г., но никак не позднее лета 1424 г. В таком случае, обе данные князя Федора Андреевича следует датировать 1423 (или 1424) – 1427 гг., а в предельном варианте – после 5 июля 1422 г. до 17 ноября 1427 г. (день кончины Никона).

Высказанные соображения, как оказалось, фактически подтверждаются независимыми текстами. Для сравнения были отобраны княжеские грамоты и притом, по возможности, точно датированные. Из этой совокупности мы исключили акты московских великих князей. Дело в том, что их формуляр в интересующей нас части оказался на удивление инерционным. Еще при преемнике Никона, игумене Савве, обитель почти без исключения именовалась в них Троицкой. Только после 1432 г. московская великокняжеская документация обычно присовокупляет к обозначению монастыря имя его основателя [10]. Тем выразительнее два акта удельных князей. В марте 1411 г. радонежский князь Андрей Владимирович выдал жалованную грамоту, именуя обитель как Троицкую. 4 августа 1423 г. дмитровский князь Петр Дмитриевич пожаловал игумена Никона «святыя Троици Сергиева монастыря» правом ловли рыбы и бобров в омуте и на одной участки реки Вори в одноименной волости, входившей в его удел [11]. Итак, в 1411 г. князь, на земле которого монастырь стоял, тесно связанный с монахами обители, называет ее только по посвящению Троице. Через двенадцать лет и через год с небольшим после обретения мощей Сергия имя основателя монастыря органично включается в название обители князем, также хорошо знакомым с троицкой братией.

Теперь сравним тексты обеих данных князя Федора, фиксируя все

содержательные, а также внешне малосущественные, но тем не менее значимые различия. При этом первой будем называть грамоту, опубликованную в АСЭИ (Т. 1) под № 4, а второй – изданную там же под № 5 [12]. Словесная формула адресата вклада выглядит в первом акте так: «даль есмь... игумену Никону и всей братье, или хто будет по нем ины игумень», во втором в аналогичном месте читаем: «дал есмь... игумену Никону, или по сем кто инои игумен будеть у святой Троици». В последнем варианте нет указания на «всю братию» (в подавляющем большинстве грамот того времени эта часть формулы присутствует), традиционное «по нем» заменено архаизмом «по сем», в конце второго отрывка добавлено тавтологичное «у святой Троици»: в месте отточий в обоих текстах уже присутствует наименование обители, начинающееся, разумеется, со «святой Троицы». Далее в грамотах дано обозначение той территории, где находятся отдаваемые озера. Здесь также налицо заметные отличия, но их полезнее рассмотреть ниже, в третьем разделе статьи. Существеннее другое – очень неодинаково определены объемы вклада: в первой грамоте названы озеро Смехро «со всеми истоки» и озеро Боровое. Во второй грамоте помимо этого описаны упомянутые истоки: один «течет ис Смехра в Боровое», другой «из Смехра жо в реку в Шужохту» (современная Шижегда). Создается впечатление, что документ № 4 писался без реальной привязки к местности, в обобщенном виде. И напротив, второй документ (№ 5) отразил в данном случае топографическую конкретность стародубских земель и угодий.

Клаузула с изложением условий вклада – поминание всего рода князя Федора Андреевича (а конкретно ряда лиц) – практически идентичны в обоих актах. Вслед за ней во второй грамоте идет абсолютно новый текст. В содержательном плане здесь налицо два совершенно разноплановых известия. При желании игумен имел право поставить двор «блиско озер» для лиц, направленных им для ловли рыбы в озерах. Разрешение со стороны князя Федора подразумевалось, но не формулировалось прямо, в тексте же говорилось о племяннике (князе Даниле Васильевиче) и сыне (князе Федоре) вкладчика, которые «дадут... поставити двор

ватазе блиско озер...». Почему всплыли эти имена, князь Федор Андреевич тут же пояснил: именно этих родственников он «благословил старейшим путем Олехсинским станом». Так о важнейшем политическом событии князь Федор Андреевич сообщает мимоходом, в связи с уточнением условий вклада.

Статья с запрещением родственникам нарушать волю дарителя изложена в обеих грамотах весьма близко. Отличия носят стилистический характер: использованы разные глаголы с синонимичным значением (вместо «хто сю грамоту подвигнетъ» в первом документе, «кто ся грамоту рушит» во втором), неодинаково определен круг возможных нарушителей распоряжений князя Федора Андреевича. В первом случае он говорит о своих детях и племянниках, во втором – о тех же детях плюс «или кто моего роду». Эта подробность позволяет подозревать, что были учтены дети племянников в возрасте социальной зрелости. Остальное содержание статьи практически идентично.

Заключительные разделы грамот различны. В первом документе после традиционного подзаголовка «А на то послуши» перечислены пять имен. Двое – это сыновья вкладчика, названные по именам и отчествам, князь Иван Федорович, князь Федор Федорович. Отметим небольшую деталь: сыновья названы не в порядке старшинства. У князя Федора Андреевича было двое детей с именем Иван (бездетный Иван Морхиня и Иван Лапа Голибесовский), но оба были младшими братьями князя Федора Федоровича. За именами княжичей следуют имена на «-ов» трех персон, социальный статус которых прямо не обозначен. Иначе обстоит дело во втором документе. Здесь последняя часть начинается с формулы «о печаловании», правда архаичного вида: «А приходит» (об этом справедливо писал С. Б. Веселовский, а позднее В.Б. Кобрин [13]). Вслед за этим указаны двое князей (племянник дарителя князь Данила Васильевич и сын князя Федора Андреевича – Федор, причем названы они в порядке старшинства линий рода), а также двое бояр вкладчика. Имя Константина Михайлова известно перечню свидетелей в первом документе (там оно стоит на втором месте среди нетитулованных лиц).

Следовательно, всех трех послухов первого акта можно уверенно причислить к боярам князя Федора Андреевича.

Последовательное сравнение текстов двух актов приводит к однозначному выводу: более ранней является грамота, напечатанная в АСЭИ (Т. 1) под № 4, более поздней – опубликованная там же под № 5. Учтем к тому же, что первая дошла до нас в подлиннике и нет сомнений в ее аутентичности. Поэтому предположение о том, что сначала был оформлен документ с привязкой к конкретной местности, с разрешением поставить двор, второе же по времени пожалование (с принципиально одним объектом вклада) опустило все эти важные и в хозяйственном, и в юридическом плане детали абсолютно невероятно. И наоборот, все логично при другом допущении. Троицкие старцы уже на начальном этапе освоения отданных им озер встретились с рядом затруднений, касающихся границ их новой собственности, а также условий хозяйствования. Поэтому и последовало обращение ко князю Федору Андреевичу через посредство «печальников», после чего вкладчик выдал вторую грамоту, не просто подтвердив свое прежнее распоряжение, но уточнив и развив его в существенных моментах. И еще одна важная деталь. Главными «печальниками» стали князья, наследовавшие князю Федору Андреевичу «в старейшим пути», именно к ним обращен текст от имени дарителя о разрешении поставить двор троицким старцам. Но это значит, что князья Данила Васильевич и Федор Федорович подтвердили законность самого факта вклада, притом в уточненном и расширенном виде.

Произведенное сопоставление позволяет, видимо, высказать предположение о месте и обстоятельствах написания обеих грамот. Уточнения по реальной топографической привязке истоков озера Смехро, «печалование» наследников и бояр князя Федора Андреевича указывают на правильную процедуру оформления документа, причем на месте, то есть в стольном городе княжества. И это понятно. Причины для обращения монахов к владетельному князю Стародубскому могли возникнуть после начального освоения озер. Можно догадываться, что это

произошло после некоего времени – после зимнего подледного лова, а также летней ловли. И наоборот. Первый документ, судя по скупости описания объектов вклада и лапидарности заключительной части, возник вдали от Стародубского княжения и, как будто, при несколько необычных обстоятельствах. Выскажем догадку – первая грамота была написана при участии троицкой братии и, быть может, в самом монастыре. На это намекают три детали. Прежде всего, некоторые особенности клаузулы, формулирующей условия вклада (об этом см. ниже, во втором разделе нашей статьи). Во-вторых, стилистическая выверенность первого текста в словесном описании адресата пожалования. Быть может, указание на «всю братью» есть не только дань привычной формуле, отражающей строгую корпоративность монашеского сообщества, но некий намек на то, что акт дарения имел место в действительности перед «всею братьей» в обители? В-третьих, сохранившийся подлинник демонстрирует вполне отработанный почерк, столь же профессиональное размещение текста на небольшом листочке бумаги (строгая разлиновка, четко соблюдаемые ровные поля и т.п.; фототипия подлинника издана). Грамота при всех невеликих своих размерах производит впечатление торжественного вкладного акта владетельной особы (кстати, качественен оттиск печати князя Федора Андреевича и вполне профессионально ее прикрепление [14]). Позволим еще одну догадку. Первая грамота дошла до нас в подлиннике, находясь в монастырском архивохранилище более пяти веков (с 1930 г. в составе Троицкого собрания в Отделе рукописей РГБ), в том числе потому, что сразу после ее составления в самой обители она оказалась в архиве монастыря и вряд ли использовалась в практической жизни. Вторая грамота, оформленная в Стародубе, могла не раз использоваться при поземельных спорах и размежевании владений в XVI-XVII вв. на месте. Вот почему, скорее всего, ее подлинник до нас не дошел.

Итак, первая грамота составлялась вдали от Стародуба (не исключено, в самом Троице-Сергиеве монастыре), причем князя Федора Андреевича сопровождали двое старших его сыновей и не

менее трех бояр. Второй документ, оформленный в Стародубе, знает о «благословлении» князем Федором племянника и сына «старейшим путем». Конечно, одна из возможных причин – состояние здоровья князя Федора Андреевича. Но даже если это было важной причиной, то общеполитическая ситуация и санкция соответствующей политической власти намеченной передачи прерогатив были здесь не менее, а скорее более существенными. Для верного осмысления ситуации напомним некоторые реалии. Стародубское княжество было особым столом, ярлык на который властители Орды передавали представителям именно стародубского рода Рюриковичей. По крайней мере, духовные и договорные грамоты московских князей (великих и удельных) не распоряжаются ни Стародубским княжением, ни стародубской данью (выходом) в Орду. Тогда как отдельные акты, фиксирующие сделки между князьями из этого рода, регулируют вопрос уплаты выхода. Вместе с тем, характер военной службы разных представителей рода в конце 1420-х – середине 1440-х годов – всегда под началом московских великих князей – определяет их сословно-статусную позицию. Они были служилыми князьями московских государей. Сейчас неважно, о каком типе этой сословно-статусной группы, весьма многочисленной в XV в., идет речь [15]. Для официального объявления наследников (вторая грамота лишь попутное следствие данного факта) необходимо было заручиться предварительным согласием московских великих князей, была нужна определенная политическая ситуация в самой Москве. Поездку же князя Федора Андреевича за пределы Стародуба логичнее всего увязывать с военным походом. Естественно, в западном или южном направлении, но не восточном.

Приведя в систему намеченные условия, мы действительно находим период времени, когда все названные обстоятельства сошлись. Имеем ввиду 1424 г. и 1425 г. В 1424 г. состоялся крупный поход ордынского хана на Одоевское княжение, причем ему предшествовал годом ранее набег, правда, успешно отраженный. По получении известия о походе, великий литовский князь Витовт (Витаустас) отправил посла в Москву с настоятельным призывом

«послать помочь на царя». Одновременно он направил весьма крупные силы одоевскому князю Юрию Романовичу Ордынцы были разбиты, но «мос-ковская сила не поспела», хотя, несомненно, была собрана и направлена к театру военных действий (в награду Витовт отослал в Москву одну из плененных ханш). Участие князя Федора Андреевича со стародубской ратью в данном мероприятии весьма вероятно. По дороге к месту сбора или после незавершенного похода он имел возможность и мотив для посещения Троице-Сергиева монастыря – у многих на слуху было и недавнее обретение мощей старца, и редкое для той эпохи возведение каменного храма в обители, удаленной от городских центров. Поскольку в Москву и из Москвы князь Стародубский со своими войсками шел, скорее всего, через Владимир–Суздаль–Юрьев-Польский с выходом на переславскую дорогу, постольку небольшой крюк с заездом в Троицкую обитель не составлял большого труда для князя с сыновьями и ближней свитой [16].

В конце февраля 1425 г. умер московский великий князь Василий I. Тем самым открылся первый тур борьбы за великокняжеский стол между десятилетним наследником, Василием II, и его дядей, удельным князем Юрием Дмитриевичем. Наиболее плотными события стали весной – в начале лета. В ответ на мобилизацию князем Юрием своих ратей московское правительство собрало все свои силы в Костроме. Уход Юрия в Нижний Новгород и далее на Суру вызвал погоню московской рати. До решительного столкновения дело не дошло, и где-то в начале июня Юрий Дмитриевич предложил переговоры. Перед поездкой митрополита Фотия в Галич была определена позиция сплотившихся вокруг малолетнего великого князя политических сил. Московскими властями запрашивались мнения «всех князей и бояр земли своя». Можно быть уверенными, что все это не прошло мимо князя Федора Андреевича. Он или другие представители стародубских Рюриковичей, наверняка, были на Костроме, и вполне вероятно их участие в погоне за князем Юрием в нижегородские пределы. В той или иной форме выяснялось мнение князя Федора по поводу дальнейших шагов в отношении князя Юрия Дмитриевича. Сама

смена государя на Москве, начавшиеся пока еще в основном политические, а не военные, смуты естественным образом подталкивали к важному для князя Федора Андреевича официальному объявлению наследников. Согласие Москвы на это, надо думать, было в тогдашних условиях почти автоматическим. При этом не надо забывать, что начавшаяся с конца мая пандемия (с Троицына дня, пришедшегося на 27 мая) приобрела к концу июля 1425 г. опустошительный характер [17].

Итак, первая грамота князя Федора Андреевича о вкладе в Троице-Сергиев монастырь двух озер была составлена летом или ранней осенью 1424 г. Зимой 1424-1425 гг. монахи приступили к хозяйственному использованию угодий, продолжив его в первый весенне-летний лов 1425 г. В результате последовало их обращение ко князю и выдача второго акта с подтверждением сделанного вклада, с уточнением ряда деталей и дополнительным разрешением на обустройство специального двора для ватаги рыбных ловцов обители.

2. Объект, цели и условия вклада

Объектом дара стали два озера с истоками. Озеро Смехро существует и поныне, вобрав в себя, по-видимому, ряд более мелких, ранее отдельных стариц и озер. Расположено оно в левой пойменной части Клязьмы, недалеко от впадения в нее речки Шижегды. До древнего стольного города княжества было рукой подать – около девяти верст к западу от озера. Примерно столько же, но уже к востоку от озера до села Алексина, центра одноименного стана (он назван в грамоте князя Федора Андреевича), являющегося одновременно «старейшим путем» в Стародубском княжестве (см. ниже). Судя по более поздним документам (1520-1530-х гг.), эта территория изобиловала пойменными водоемами, лугами на пойменных землях, охотничьими угодьями, имелись там и бортные земли [18]. Иными словами, это был район со значительным развитием промыслов на территории, являющейся центром княжения. Поэтому получение такого вклада следует признать весьма значимым для монастырской братии: и по хозяйственной ценности, и по местоположению озер. С одной

стороны, немаловажной была близость Стародуба и Алексина, с другой – монахи достигали новых владений летом-осенью водным путем, что облегчало транспортные заботы и было выгодным.

Вообще, в годы обретения мощей Сергия и строительства каменного храма обитель получила значительные вклады именно промыслового характера, что вряд ли случайно. От боярина князя Юрия Дмитриевича, С.Ф. Морозова, поступили половина варницы и половина соляного колодца в Соли Галичской. Князь Петр Дмитриевич, как мы уже знаем, передал в монастырь (поминальные мотивы в грамоте полностью отсутствуют) участок реки и омут в Воре для ловли рыбы и бобров [19]. Кстати, памятуя о символике дат и действий в то время, не следует ли считать 4 августа 1423 г. и близкие к этой дате дни тем временем, когда были завершены основные строительные работы по возведению каменного собора? В этом ряду дар князя Федора Андреевича был, конечно, наиболее ценным и по размерам, и по реальным ресурсам рыбного промысла, ловли бобров, охоты на птиц и т.д.

Цель вклада – традиционная, но традиция эта вряд ли имела глубокие корни. Накопление недвижимости в монастырях общежитийного типа и укоренение развитого заупокойно-поминального культа в них было явлением, не уходящим далее второй половины XIV в. Ранее существовали иные порядки в этой сфере. Комплекс текстов о вкладах в конце XIV – середине XV в. из архивов митрополичьей кафедры, Троице-Сергиева и Чудова монастырей рисует перед нами пока еще мало разработанный формуляр той части данных грамот, в которой определены цели и условия вкладов. Пространный формуляр соответствующих разделов в данных (вкладных) грамотах и завещаниях известен по текстам, главным образом, XVI в., особенно с 20-40-х годов, этого столетия. Обычно поминаемые лица прямо поименованы, определено их родственное отношение к вкладчику, указана дата (или две даты) поминания, иногда обозначен характер «поминальных кормов» на братью монастыря. Все это заключалось предписанием настоятелю обители внести названные имена в синодики разного вида. Кроме того, властям монастыря запрещалось отчуждать

переданную им на «помин душ» недвижимость любым способом. Запрет, естественно, распространялся на наследников и родственников дарителя – санкцией служила угроза Божьего суда, а нередко – денежная компенсация. Впрочем, право родового выкупа порой подразумевалось, порой прямо фиксировалось с указанием цены выкупаемой недвижимости.

В конце XIV – середине XV в. эти части данных грамот, а также духовных до крайности лапидарны. Прежде всего, заметную долю составляют документы, фиксирующие факт вклада, но без всяких указаний на его цели. Такие грамоты превалируют в массиве актов Троицкой обители, датируемых до июля 1422 г., их немало и после указанной даты [20]. Причем не наблюдается корреляции между социальным статусом дарителя и полнотой формуляра. Далее, комплекс данных и духовных до середины XV в. из названных выше архивов духовных корпораций не знает ни одного случая фиксации денежного эквивалента отдаваемого земельного владения. Равным образом, в этом же документальном массиве мы не найдем ни одного указания на санкцию в виде будущего суда перед Богом вкладчика с нарушившим его волю наследником или родственником. Запретительные нормы, встречающиеся нечасто, касаются властей монастыря: им воспрещается отчуждать передаваемую им вотчину путем продажи, обмена, уступки [21]. В тех случаях, когда прямо говорится о поминании, перечень названных лиц (очень редко поименный) включает ближайших родственников – отца, мать, детей, нечасто родителей вообще. Формула «по всему своему роду» имела скорее некий обобщающий, символический смысл, чем конкретный [22].

В таком контексте грамоты князя Федора Андреевича уникальны. Во-первых, они содержат статью о суде перед Богом вкладчика с тем из сыновей, племянников, родственников вообще, кто не побоится «подвигнуть» («рушить») распоряжение князя Федора. Во-вторых, эта моральная, небесная и притом отдаленная санкция дополнена материальной, земной и незамедлительной угрозой – нарушитель воли князя Федора Андреевича, покусившийся изъять у монастыря отданные вкладчиком озеро, обязан уплатить за них

200 рублей. Это, конечно, не выкупная, реальная цена данных владений (как ошибочно полагает М.С. Черкасова [23]), а запредельная цифра, носившая, несомненно, запретительный характер (она, к примеру, в несколько раз превосходила размеры ордынского выхода с некоторых уделов и территорий). Остальные нормы в текстах князя Федора обычны для его времени. Круг поминаемых ограничен дедом, отцом вкладчика, им самим, формула «в поминок... всему своему роду» – налицо. Она, несомненно, носила обобщающе-символический характер, но вот что важно. В счете поколений понятие рода у князя Федора Андреевича не выходит за пределы третьего колена, причем дед вкладчика, князь Федор, был казнен в Орде в 1330 г. и ему в родословных источниках была дана соответствующая квалификация – «благочестивый». В определенном смысле заупокойный вклад князя Федора Андреевича был торжественным вкладным актом как бы «государственного» поминания несомненных владетельных князей Стародубского княжения, причем в авторитетной обители, не находившейся в пределах этого княжества. В сохранившемся архиве Троице-Сергиева монастыря это был первый документ подобного рода. Непосредственных политических причин для подобных действий у вкладчика, князя Федора, в 1424-1425 гг. как будто не было. Троицкая обитель еще не была для московской великокняжеской семьи особо почитаемым и семейно близким молением, брачных связей или по свойству с домом серпуховских Рюриковичей (сыновьями серпуховского князя Владимира Андреевича) у князя Федора Андреевича, его сыновей и племянников вроде не было. Остается предположить сочетание разноплановых обстоятельств: ситуационные мотивы, вызванные событиями двух выше указанных лет, наложились на растущее почитание Сергия (после чуда обретения его мощей) с одновременным укреплением авторитета его монастыря, обязанным и этому факту, и строительству каменного Троицкого собора. Грамоты князя Федора прямо свидетельствуют: культ Сергия вышел за пределы ближайших к монастырю административно-политических образований (Радонеж, Переславль, Дмитров) и в этих новых, в определенном смысле общерусских границах перерос рамки «книжного», «умного» почитания, вращаясь в плоть каждодневной

социальной практики.

Остается вопрос – если наша гипотеза об условиях и месте составления первой грамоты князя Федора верна, – кто был инициатором этих двух нововведений в поминальный раздел документа? Почти невероятно видеть таковым самого вкладчика. Где государственные заботы, труды на поле брани, а где эрудиция в тонкостях поминальных текстов. Очень разные сферы жизни. Полагаем, что именно монастырские власти – то ли сам игумен Никон, то ли тогдашний келарь Савва, в близком будущем настоятель обители, то ли кто-то другой из старцев – инициировал внесение оригинальных норм в поминальный раздел данных грамот князя Федора. Несомненно, монастырь был заинтересован в дополнительных гарантиях сохранения за собой этих весьма ценных в хозяйственном отношении владений, удаленных от стен обители на сотни верст. Таковые гарантии – в виде двух уникальных для того времени клаузул – он получил. Кстати, если наше суждение справедливо, то налицо еще одно косвенное свидетельство в пользу составления первой грамоты князя Федора при активном участии троицких монахов и, видимо, в самом монастыре.

3. О структуре Стародубского княжения

Истории Стародубского княжества и стародубских Рюриковичей в XV в. посвящена наша особая, подготовленная к печати статья. Поэтому нет смысла в подробном рассмотрении этой темы сейчас. Но нельзя и пройти мимо нее. В обеих данных князя Федора Андреевича заключена новая, ключевая для понимания многих особенностей Стародубского княжества информация. Приведем сначала тексты. В первой грамоте князь Федор так определил общее местоположение вклада: «...в своемъ старейшиньстве в Олехсиньскомъ стану». Это ее единственное сообщение по данному вопросу. Вторая грамота содержит два свидетельства на этот счет. Первое аналогично цитированному по расположению в документе, но отлично от него по формулировке: «...в Стародубе в старишим пути в своей вотчине в Олехсинском стану». Различия, как нетрудно заметить, три. Добавлен Стародуб как общее

определение некой государственно-политической единицы; «старейшинство» заменено в принципе синонимичным «старшим путем» и к нему добавлено (или выделено?) дополнительное качество – «своя вотчина». Второе свидетельство фиксируется в контексте разрешения игумену поставить «двор ватазе блиско озер». Выясняется, что конкретное позволение на это действие «дают» племянник князя Федора Андреевича, князь Данила Васильевич и сын вкладчика (по родословной старший из пяти братьев), князь Федор, «кого есмь благословил старейшим путем Олехсинским станом» [24].

Для следующих суждений сообщим дополнительно информацию. Применительно к Стародубскому княжению «старейшинство» упоминается еще один раз, в жалованной данной грамоте князя Семена Ивановича середины-второй половины 1470-х годов [25]. Необходима также небольшая генеалогическая справка. Князь Федор Андреевич имел трех братьев: одного старшего – Василия (родоначальник князей Пожарских) и двух младших – князя Ивана Ряполовского и князя Давыда Палецкого. У князя Василия был один сын – Данила; князь Федор, как мы знаем, оставил пятерых сыновей; князь Иван дал жизнь четырем сыновьям (причем князь Семен был вторым по старшинству); князь Давыд – также четырем княжичам. Однако к моменту выдачи князем Семеном жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю в этом поколении не было уже в живых ни родных, ни двоюродных его братьев. Иными словами, в пределах большей части XV в. «старейшинство» («старейший путь») принадлежало старшему представителю того или иного поколения рода князей Стародубских. Такой по-рядок фиксируется как вторым документом князя Федора Андреевича (он «благословил старейшим путем» племянника, за ним следом своего старшего сына – в полном соответствии с нормами родового старшинства), так и последующим переходом «старейшинства» ко князю Семену Ивановичу, относившемуся к одному поколению с князем Данилой и с князем Федором Федоровичем. Тогда как у обоих объявленных князем Федором Андреевичем наследников были сыновья: у князя Данилы – один, у князя Федора – семеро княжичей. В таком контексте требует пояснений использование понятия «вотчина»

применительно к «старейшему пути». Первое и притом наиболее удовлетворительное толкование таково: «старейшой путь» суть общеродовая вотчина дома князей Стародубских. Как некая сохраняемая целостность она достается в каждый период времени старшему на этот момент представителю старшего поколения, являясь атрибутом главы княжества и княжеского дома в целом. Именно поэтому для князя Федора Андреевича «старишой путь» и был «своей вотчиной». Что в конкретности значили «старейшинство» и «старишой путь»? Из текста очевидно, что это территория Алексинского стана. Но им князь Федор Андреевич распоряжался как владетельный стародубский князь, причем и он, и его братья, и наследники братьев владели на правах вотчин (своеобразных уделов) остальными частями Стародубского княжества. Неделимым в целом оставался Алексинский стан: суд и дань в пределах его границ были прерогативами «старейшинства» владетельного князя, за ним же, надо думать, оставалось право сбора и доставки ордынского выхода (вопрос о том, каков был адрес этой доставки оставляем за пределами данной работы).

Целостность Алексинского стана, его принадлежность Стародубскому столу, а не какой-то линии стародубских князей, в принципе, не исключали полностью наличия в его границах владений на частном праве других представителей княжеского рода. Вотчины, к примеру, могли быть приобретены путем купли, обмена у бояр Стародубского княжества. Отсюда, возможность более узкого толкования понятия «вотчины» во второй грамоте князя Федора Андреевича: он дает вклад в Троицкую обитель в виде двух озер из состава своей частной вотчины, находившейся в пределах Алексинского стана, то есть общеродовой собственности. Такая интерпретация представляется весьма сомнительной. Хотя бы потому, что в статье о поставлении двора игуменом князь Федор Андреевич переадресовывает позитивное решение вопроса к своим наследникам именно на Стародубском столе и его принадлежности, Алексинском стане. Причем названы и племянник, и сын, в случае же частновотчинных отношений было бы нормальным обращение к старшему сыну-наследнику, его младшим братьям. Тем не менее, полностью отвергнуть второе

толкование термина «своя вотчина» в более поздней грамоте князя Федора Андреевича было бы все же неосторожным.

Итак, структура Стародубского княжества в конце первой четверти XV в. представляла собой совокупность вотчин-уделов четырех братьев Андреевичей, их наследников (напомним, что все братья князя Федора к 1424- 1425 гг. уже умерли) и общеродовой собственности в виде «старшего пути» (Алексинского стана), бывшей атрибутом Стародубского стола и собственно того из князей, кто занимал этот стол, то есть был владетельным стародубским князем и главой дома стародубских князей. Наследование этого стола не закреплялось за одной ветвью рода в порядке прямой нисходящей линии (от отца к старшему сыну, старшему внуку и т. д.), но осуществлялось в соответствии с поколенно-лестничным принципом. Здесь не место для аргументированного рассмотрения проблем статуса (формального и реального) Стародубского княжества, стародубских князей – это сделано в упомянутой в начале раздела нашей статье, пока еще не опубликованной. Приведем лишь ее выводы в этой части.

В контексте государственно-политических реалий Северо-Восточной Руси конца XIV – середины XV в. Стародубское княжение, формально сохранявшее самостоятельность в качестве особого княжеского стола, являлось по сути специфической автономной частью Московского великого княжения в целом. Подчеркиваем последнее обстоятельство, поскольку юридически Стародуб не был частью собственно московских земель, не входил в состав уездов, составлявших территорию великокняжеского стола во Владимире (соединенных с московскими землями после 1389 г.). Нет ни одного даже косвенного намека на приобретение прав собственности на Стародуб московскими государями путем покупки ярлыка в Орде (как то было с Нижегородско-Суздальским княжением в конце XIV в.), уступки прав на свои вотчины-уделы коллективами князей (как это произошло в Ярославле после 1463 г.) или коллективной же продажи таких родовых владений (как это сделали ростовские князья в 1474 г.). С другой стороны, не позднее 1429 г. отношения разных князей Стародубского дома с

московскими великими князьями четко описываются в источниках статусными характеристиками именно служебных (служилых) князей. Почти наверняка следует говорить (согласно нашей классификации) о коллективной форме статуса стародубских князей в виде особой территориально-клановой группы служилых князей при максимальном объеме их «внутреннего» суверенитета (в отношении родовых земель и подвластного населения) и элементах суверенных прав в сфере внешних отношений, закрепленных по традиции за владетельным князем на Стародубском столе. Такое положение дел сложилось естественным образом и, видимо, было закреплено каким-то договором.

Осталось ответить на два небольших вопроса. Начнем с первого: почему князь Федор Андреевич назвал в качестве наследников «старейшего пути» двух князей, а не одного? Быть может, перед нами пример дуумвирата владетельных князей-соправителей с равными правами в Стародубском княжении? Полагаем, что это не так. Текст второй грамоты князя Федора в этой части ситуационно напоминает те разделы докончаний московских великих князей, где в качестве великих же московских князей (и соответственно субъекта заключаемого соглашения) фигурировали старшие сыновья. Из других источников известно, что с некоего возраста и в определенной ситуациях московские монархи «подпускали» к «государевым делам» своих наследников (в московском случае, начиная с конца XIV в., по прямой нисходящей мужской линии). Такая практика имела место быть при Василии I, Василии II и трижды (с различными наследными великими князьями) при Иване III. В каждом случае было специфическое сочетание разнообразных политических факторов (внешних и внутренних), а потому неодинаковой была практика этого своеобразного соправительства. Причем всегда имелись ввиду три главных цели: закрепление великокняжеского стола за старшей линией московской династии; создание правовой ситуации для наиболее безболезненно-го перехода власти от монарха к наследнику; получение практического опыта управления страной и обществом наследником. Вместе с тем, ни о каком реальном и даже формальном равенстве статусов двух московских великих

князей (а в начале XVI в. на короткое время даже трех) не может быть и речи. Вся полнота власти, весь объем прав постоянно и безусловно принадлежали великому князю отцу, который на временной основе делегировал ту или другую часть своих прерогатив сыну – «соправителю». Последний никогда в полном объеме не подменял старшего правителя (за исключением нескольких месяцев тяжелой болезни Ивана III в конце его правления).

Полагаем, что нечто схожее имело место в Стародубском княжестве в начале XV в. В условиях начавшихся политических смут после смерти Василия I в феврале 1425 г. перед лицом грядущего мора (а первую волну пандемии общества Северо-Восточной Руси испытали несколькими годами ранее) князь Федор Андреевич какой-то публичной процедурой (какой точно мы не знаем) закрепил порядок перехода Стародубского стола согласно прежней традиции по лествично-поколенному принципу. Потому он и «благословил» двух князей, его наследников. Не исключено, что князь Федор Федорович мог получить от князя Данилы Васильевича какие-то временные права в границах «старейшего пути», но это не более чем догадка по аналогии. Несомненно, что это важное в истории Стародубского княжения событие не было вызвано или спровацировано вкладом князя Федора Андреевича в Троице-Сергиев монастырь. Просто произошло счастливое совпадение обстоятельств. Челобитье троицких монахов имело место вскоре после провозглашения наследников князем Федором Андреевичем, необходимость же подтверждения с их стороны уточненного и как бы более ценного дара вызвали фиксацию данного события в тексте второй грамоты князя Федора Андреевича.

Все же необходима оговорка. По логике нельзя исключить иного объяснения. Фразу о двух наследниках князя Федора Андреевича в «старейшем пути» можно, казалось бы, истолковать и как закрепление Алексинского стана за представителями двух старших линий стародубских князей в качестве фамильных вотчин. Такой догадке, однако, противостоят факты, правда, более поздние.

Во-первых, ни князя Пожарские, ни потомки князя Федора Андреевича (князя Кривоборские, Льяловские, Стародубские, Ковровы, Осиповские, Голибесовские, Гагарины, Ромодановские) по материалам конца XV-XVI вв. не имели никаких вотчин в пределах Алексинского стана. Во-вторых, как отмечено выше, следующим точно известным владетельным князем Стародуба был представитель третьей линии – князь Семен Иванович Ряполовский. В-третьих, по духовной Ивана III (к тому времени Стародубское княжество в качестве «стольного» перестало существовать, растворившись в общем административно-поземельном устройстве Российского государства) именно Алексин в Стародубе (то есть Алесинский стан с центром в Алексине) был обменен московским государем князю М.Р. Мезецкому на его родовую вотчину-удел, причем «суд и дань» в пределах обмененной территории оставались за Василием III, наследником завещателя [26]. Но это значит, что до конца XV в. Алексинский стан сохранял свою целостность и свое значение атрибута как бы самостоятельного княжеского стола. После утраты самостоятельности эти права естественным образом перешли к московскому монарху. Из всего сказанного ясен вывод: чисто логическое предположение о закреплении Алексинского стана в вотчину за князьями старших линий Стародубского рода Рюриковичей никак не может быть принято.

Теперь обратимся ко второму вопросу. Речь идет о размерах и границах «старишого пути», а также о его названии. Последнее объясняется довольно просто – стан назван Алексинским по топониму его центра, села Алексина. Его знаменитость объясняется вполне уверенно: именно там, в церкви Рождества Богородицы в XVI в. и, почти наверняка, в предшествующем столетии находилось погребение убитого в Орде князя Федора Благоверного [27]. Был ли он похоронен там изначально, или же его гробница была перенесена туда позднее – за отсутствием источников сказать нельзя. В любом случае налицо определенное своеобразие: сельские округа, непосредственно тянувшие к стольному городу, нередко обозначались в XIV – начале XV в. как «Городской стан» или даже «Городские станы». К тому же, за

XV в. нет ни одного прямого указания на то, что Стародуб был действующим стольным городом Стародубского княжения. В том же завещании Ивана III 1503 г. под Стародубом понимается вся территория бывшего княжества, а вовсе не собственно город. Первое следующее упоминание в источниках говорит не о городе, но о городище: в разъезжей 1526 г. на троицкие земли рядом с озером Смехро в перечне свидетелей фигурируют староста и еще один житель с городища Ряполовского. Перечень свидетелей в документе обладает ясно выраженной особенностью: речь идет о людях из владений разного типа собственности, но все эти поселения или административные единицы расположены по правому берегу Клязьмы и к юго-западу от объектов межевания. Поэтому городище Ряполовское это вовсе не далекое от места действия село Ряполово, но именно бывший город Стародуб, получивший в документе название по фамильному прозвищу последнего владетельного князя Стародубского княжества [28]. В тексте пункт назван городищем, то есть запустевшим поселением городского типа, но жизнь на нем явно возобновилась. Сколько длительным было запустение и в какой мере городище могло выполнять в XV в. функции административно-политического центра княжества – сказать трудно. Упоминание в жалованной грамоте князя Семена Ивановича «моих городцких наместников и всех пошлинников» как будто говорит в пользу сохранения подобных функций за пунктом, под которым понимался по традиции город Стародуб [29]. В любом варианте сохраняются большие сомнения в полноценности этого стольного центра княжества. Видимо в этом одна из важнейших причин тех особенностей Алексинского стана как «старейшего пути» княжества и села Алексина как центра этого стана. Скорее всего, село было одной из официальных резиденций владетельных князей Стародубского дома.

Этому могли способствовать некоторые природно-ландшафтные особенности. Город (городок) Стародуб располагался на правом, относительно возвышенном берегу Клязьмы, село Алексино находилось на левом берегу примерно в десяти верстах от его пойменной части. Где-то поблизости в XV-XVI вв. пролегла большая Московская дорога [30]. Вообще весь Алексинский стан

разместился именно по левому берегу Клязьмы. По совокупности указаний документальных источников XV-XVI вв. его границы определяются предположительно, причем в двух вариантах. По первому, стан тянулся вдоль левого берега Клязьмы от низовьев ее притока Уводи и до левого берега реки Тезы, так же притока Клязьмы, в том месте нижнего течения Тезы, где она делает петлю (устье Тезы, по нашему мнению, в состав Алексинского стана не входило). Протяженность стана, видимо, колебалась в пределах 32-37 верст. Наибольшее удаление от Клязьмы, скорее всего, не превышало 12-15 верст, но могло быть и меньшим. Территория стана включала почти всю пойму Клязьмы от Уводи и до места резкой смены направления течения Клязьмы (то есть несколько западнее устья Тезы), нижние течения трех притоков (Уводи, Шижегды, Тезы), великое множество озер, прудов, стариц (наиболее крупным и ценным было отданное в Троице-Сергиев монастырь озеро Смехро), бобровые гоны (в реках и озерах), бортные ужожи, угожья и перевесья. Крупных поселений было немного – едва ли более 4-5 сел, деревни и починки исчислялись многими десятками. Но вряд ли сеть поселений была в стане очень плотной. Ландшафт (наличие множества болот, озер, стариц) и тяжелые почвы не стимулировали бурного развития земледелия, но благоприятствовали разным видам скотоводства (богачейшие пойменные луга, отхожие пожни в лесах и на болотах и т.п.), а в особенности промыслам. В этом отношении Алексинский стан напоминает иные «городские станы», на землях которых в близком соседстве со стольными и обычными городами и в пригодных местах первоначально складывались путные ведомства князей (то есть отрасли княжеских хозяйств). Полагаем, что такое определение размеров и границ Алексинского стана наиболее вероятно и лучше документируется сведениями из разъезжих и духовных грамот, а также писцовыми описаниями конца XVI в.

Второй вариант сводится к исключению из состава Алексинского стана нижнего течения Уводи и деревни (в XVI в. – села) Всегодичи. В таком случае размеры Алексинского стана в длину следует уменьшить на 4-6 верст. Правда, это допущение

порождает одно неизбежное следствие. Поскольку князь Семен Иванович относил Всегодичи к территории «своего старейшинства» [31], постольку этот «старейший путь» обладает сложным внутренним строением. Помимо Алексинского стана в «старейшинство» входило еще некое административно-территориальное образование, название которого остается неизвестным. По нашему мнению, такое толкование грамоты князя Семена неверно, а вытекающее из него определение пределов Алексинского стана маловероятно.

Подведем итоги. Удалось датировать обе грамоты с точностью до года (и даже месяцев), установить мотивы и обстоятельства составления каждой из них. Факт последовательной выдачи документов был вписан в контекст общественной жизни, в контекст конкретных по-литических событий и потрясений. С одной стороны, оба текста князя Федора Андреевича высветляют начальный этап в формировании заупокойно-поминальных тради-ций в элите тогдашнего общества, с другой – отражают важные, в чем-то переломные моменты в истории Троице-Сергиева монастыря (в частности, в истории его землевладения), в складывании посмертного почитания Сергия Радонежского за пределами ближайшей к монастырю округи. Уникальные особенности формуляра данных князя Федора (нормы двух статей неизвестны документации того времени) послужили как бы образцом для поминальных данных. Наконец, сопоставление сведений обоих текстов о Стародубском княжестве позволило реконструировать в узловых моментах его государственно-политическую систему, особенности его поземельно-владельческой структуры, определить сословный статус князей Стародубского дома в общероссийских рамках. И вся эта, в значительной мере оригинальная, информация заложена в десяти с небольшим строках первой грамоты князя Федора Андреевича и в незначительно большем по объему втором его акте, в текстах, изданных не единожды и прочитанных учеными не один раз.

Источник: В.Д. Назаров. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной России. – М.: Покрова, 2000. С. 29-58.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 57,58; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. – М., 1996. С. 65.

[2] Черкасова М.С. Землевладение... С. 65.

[3] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 4, 5.

[4] Кобрин В.Б. Власть и собственность... С. 57.

[5] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 4, 5; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. – М., 1998. С. 70.

[6] Обоснованию принципиального значения этих различий для датировки ранних грамот Троице-Сергиева монастыря посвящена наша особая статья – Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. 1. Проблемы хронологии (в печати).

[7] Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Изд. 2-е. – М., 1909. С. 72-74; Клосс Б.М. Избранные труды... С. 69.

[8] Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский... С. 179, 180; Клосс Б.М. Избранные труды... С. 69, 70.

[9] ПСРЛ. – М., 1965. Т. 15. Стб. 488; ПСРЛ. – М.-Л., 1949. Т. 25. С. 244-247; ПСРЛ. – М., 1994. Т. 39. С. 142.

[10] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 92 и далее.

[11] Там же. № 29, 49. О рождении и смерти детей князя Петра Дмитриевича см. наши наблюдения: АРГ/АММС. – М., 1998. С. 441, 442.

[12] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 4. С. 27, 28; № 5. С. 28.

[13] Там же. С. 28; Кобрин В.Б. Власть и собственность... С. 57.

[14] Фотовоспроизведение акта см.: Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV – начала XVI в. – М., 1929. Т. 1. Вклейка между с. 6 и 7. Новейшее описание печати см.: Соболева Н.А. Русские печати. – М., 1991. С. 170. № 76.

[15] Нашу характеристику служилых (служебных) князей в XV в., их классификацию. См.: Назаров В.Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. – М., 1999. Вып. 5. С. 175-196.

[16] ПСРЛ. – М.-Л., 1949. Т. 25. С. 245, 246; ПСРЛ. – М., 1994. Т. 39. С. 142.

[17] ПСРЛ. – М.-Л., 1949. Т. 25. С. 246, 247; ПСРЛ. – М., 1994. Т. 39. С. 142.

[18] АРГ. – М., 1975. № 279; АРГ/АММС. – М., 1998. № 82.

[19] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 3 (о датировке акта, более верной, чем в издании, но шире, чем у нас – см.: Клосс Б.М. Избранные труды... С. 66, 67. Примечание 75); № 49.

[20] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 6, 7, 14, 22 (все грамоты датируются нами до 5 июля 1422 г.); № 3, 56 (акты, относящиеся ко времени после 5 июля 1422 г.).

[21] Там же. № 21; АФЗХ. – М., 1951. Т. 1. № 41, 95.

[22] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 11, 12, 21, 26, 36-38, 54, 63-66; АСЭИ. – М., 1964. Т. 3. № 30, 33; АФЗХ. – М., 1951. Т. 1. № 10, 29, 41, 95, 245, 246.

[23] Черкасова М.С. Землевладение... С. 65. Примечание 16.

[24] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 4, 5; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI в. – М., 1988. С. 37 (схема родословия князей Стародубских, правда, без родословия старшей линии – князей Пожарских; у князя Василия Андреевича Пожарского был

единственный сын Данила); см. также: Назаров В.Д. Князя Пожарские и Ряполовские по новым документам из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Историческая генеалогия. Екатеринбург-Париж, 1996. Вып. 4. С. 78, 79; Он же. Акты XV века из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // РД. – М., 1998. Вып. 4. С. 6, 7, 10-12, 15-17, 20-21.

[25] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 436.

[26] ДДГ. – М.-Л., 1950. № 89. С. 355.

[27] АРГ/АММС. – М., 1998. № 47, 92.

[28] АРГ. – М., 1975. № 279.

[29] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 436.

[30] АРГ. – М., 1975. № 279. Ратная дорога в этом районе упомянута в разъезде 1538 г.-см.: АРГ/АММС. – М., 1998. № 82. С. 207, 208.

[31] АСЭИ. – М., 1952. Т. 1. № 436.

Хоруженко О.И. Уезд Мстиславль в Московско- московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав.

Опубликовано: Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой

археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, ФГБУН ИВИ РАН, Археогр. комиссия. М.: РГГУ, 2012. 548 с., с.106-113.

Последняя по времени публикация московско-рязанского докончания 1381 г. (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 335–348) является весомым аргументом против упрощенной передачи текста при публикации средневековых источников и позволяет предложить новое прочтение хорошо известной в историографии грамоты.

Согласно этому докончанию московский великий князь Дмитрий Иванович Донской отказывался от территорий среднего правобережья Оки (в современной Тульской области), «что доселе потягло къ Москве», в пользу рязанского великого князя Олега Ивановича. Интересующий нас фрагмент, начиная с первой публикации в «Древней российской вивлиофике» и заканчивая «Духовными и договорными грамотами», выглядел так: «А что на рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, почень Лопастна, уездъ Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичу, те места к Рязани». Это – вариант, полученный после редакторской правки. Новая публикация позволяет выявить изначальный текст, написанный писцом: «...как ся отступил кн(я)зь торускии Федоръ Святославич».

В слове «кн(я)зь» буква «ъ» была исправлена на «и», в слове «торускии» буква «и» – на «е», в слове «Федоръ» буква «ер» – на «ук». Сам автор публикации придерживается традиционного варианта прочтения (т.е. варианта редактора) и дает ему исчерпывающе скрупулезный комментарий. Оно действительно нуждается в пояснении: неясно, кто такой Федор Святославич, отчего это лицо, именованное в соответствии с княжеским ономастиком, не титулуется князем и, наконец, неясен

причудливый переход права собственности на упомянутые в докончании территории (по версии В.А. Кучкина: рязанские князья – московские князья – тарусские князья – Федор Святославич – Дмитрий Иванович Донской – Олег Иванович Рязанский).

Федор Святославич определяется как князь вяземский и дорогобужский из рода смоленских князей, на некоторое время – тесть московского великого князя Симеона Гордого. Симеон женился на его дочери Евпраксии в 1345 г. Однако «великую княгиню на свадьбе испортили – ляжет с ней великий князь – и она ему покажется мертвец». В.А. Кучкин интерпретирует это показание родословцев без всякой мистики: по его мнению, великую княгиню Евпраксию отличал низкий уровень темперамента. По свидетельству родословных книг, великий князь Федора Святославича «перезвал себе, а дал ему в вотчину Волок со всем». Туда же в 1346 г. и была отослана великая княгиня. Без сомнения, к этому вяземско-дорогобужскому князю относятся сведения московско-литовских докончаний 1449 и 1494 гг. Здесь «кн(я)жа Федорова места Святославичь», расположенные на московско-литовском порубежье в Смоленской земле, определяются как вотчина московского великого князя и упоминаются в одном ряду с владениями других представителей младших линий смоленского княжеского дома – Хлепенскими, Фоминскими (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ. С. 162, 330). Никаких иных доводов, кроме совпадения имен для утверждений о тождественности двух Федоров Святославичей нет. Отсутствие княжеского титула при имени Федора Святославича В.А. Кучкин объясняет его переходом на службу великому князю, что в XIV в. лишало княжеского титула (Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 256, 260). Это суждение представляется излишне категоричным. Другие князья, служившие московскому великому князю в XIV в., – тарусские, белозерские, угличские, ярославские, дорогобужские – благополучно сохранили свой титул.

«Причины уступки тарусскими князьями названных земель бывшему

вряземско-дорогобужскому князю», согласно В.А. Кучкину, «можно понять». Однако автор не вполне ясно объяснил – как именно. По его мнению, названные земли были захвачены московскими князьями у Рязани, переданы тарусским князьям в качестве вознаграждения за некоторые услуги, а затем те уступили эти земли московской креатуре Федору Святославичу, поскольку «такие не принадлежавшие к исконной вотчине земли легче отчуждались» (Там же. С. 256–257). Благодарность великого московского князя тарусским князьям, выразившаяся в конечном итоге в конфискации части их вотчин, выглядит странно. Таким образом, удовлетворительного объяснения «темных мест» московско-рязанского докончания 1381 г. его традиционное, согласно варианту редактора, чтение не дает.

Писцом и редактором документа, судя по всему, выступали разные лица. Вопреки наблюдениям публикатора, исправления сделаны более темными чернилами, с большим нажимом пера, буквы более крупны. Кроме того, текст редактора отличают и орфографические особенности. Якорная «є» (эта буква перешла в последующие докончания 1402, 1434 и 1447 гг., но не была воспроизведена ни в предшествующих публикациях – Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 1. С. 92; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 32. С. 54; Савельев-Ростиславич Н.В. Дмитрий Иванович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837; Лазаревский А.М., Утин Б.И.

Собрание южных памятников. СПб., 1859. С. 96–99; Хрестоматия по русской истории / Сост. Н.[Я.] Аристов. Варшава, 1870. С. 1193–1196; Фарфоровский С.В. Источники русского права. СПб., 1913. С. 279–280, – ни в публикации В.А. Кучкина) не встречается в основном тексте документа. Писец не сокращал после выносной иных букв, кроме «о/ъ» и «е/ь». Редактор же допускал сокращение после выносной букв «и», «у/ю». Различные чтения писцом и редактором букв «ерь»/«иже», «ер»/«ук» могут быть объяснены палеографически. Стертая или поврежденная горизонталь полууставного «ерь» могла привести к чтению ее в качестве «иже». Слегка продолженная за пределы вертикали петля

в букве «ер» делала ее похожей на «ук». Такого же рода путаница букв «ерь»/«ук» привела к появлению «кн(я)зеи торусских» в докончании Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем (ДДГ. № 19. С. 55).

Строка, содержащая рассматриваемый текст, 12-я из 36-ти. Можно предположить, что копированный писцом документ (рязанский противень договора 1382 г., хранившийся в московском великокняжеском архиве) был сложен втрое, причем буквы на сгибе повредились. Вероятно, дефектный текст оригинала повлиял и на текст последующих московско-рязанских докончаний. Особенно это заметно в договоре 1402 г. (дошел в списке XV в.), где в интересующем нас фрагменте читается неприемлемая с точки зрения грамматики фраза: «как ся отступили кн(я)зи торусские Федоръ Славич» (ДДГ. С. 53). Возможно, оригинал документа на момент копирования уже был поновлен – это может объяснить воспроизведение якорной «є» в последующих докончаниях, явно зависимых от докончания 1381 г.

Вариант писца «уездъ Мьстиславль... как ся отступил кн(я)зь торускии Федоръ Святославич» также требует комментария. Понимать слово «уезд» в узком смысле, как наименование территориально-административной единицы, для XIV в. было бы неправильно. С.М. Каштанов, специально исследовавший значение этого термина в актах XIV–XVI вв., зафиксировал его употребление в значениях «разъезд, размежевание» (т.е., скорее, речь идет о действии, а не о территории) и как синоним «удела», земельного владения. К концу XIV в. появляются «уезды» нового типа, определяемые как округа крупных городских центров [Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 102–107; см. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1346–1347].

Соответственно и «Мстиславль» следует трактовать не как топоним, а как указание на владельческую принадлежность «уезда», притяжательное от имени Мстислав (из подобных прилагательных образованы топонимы Глебль, Переяславль,

Рославль, Хотмышь и т.п.). Полными аналогами выражения «уездъ Мстиславль» являются: «уездъ княж» уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 143), «оуездъ о[т]ца своего» духовной грамоты в. кн. Ивана Ивановича (ок. 1358 г.; ДДГ. № 4. С. 18), «княгининь оуездъ Оульянинь» докончания Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским (ок. 1390 г.; ДДГ. № 13. С. 37). Наблюдения С.М. Каштанова дали ему основания предположить, что «упоминание подобного рода “уездов” свидетельствует, вероятно, о предшествующих разделах и выделах округов в другое владение» (Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника... С. 105).

Возможно, тарусский князь Федор Святославич «отступился» от четырех волостей в пользу некоего князя Мстислава, что и составило его «уезд». Такое прочтение позволяет вернуться к сопоставлению докончания 1382 г. с памятниками Куликовского цикла. Можно предположить, что Федор Святославич и Мстислав докончания 1381 г. – это те самые князья, которые, согласно Пространной повести о Куликовской битве, пали на Мамаевом побоище в 1380 г. (оба упомянуты без отчества: «князь Федор Торусьскыи, брат его Мстислав»). Тогда переход прав на уезд Мстиславль выглядит вполне логичным; его объяснение не требует столь тяжеловесных и шатких построений, как традиционное чтение. Тарусский князь Федор Святославич «отступился» от восточной части своего княжества в пользу брата Мстислава. После гибели обоих братьев на Куликове поле «уезд» Мстислава оказался выморочным и его судьбой смог распоряжаться московский великий князь. Вероятно, именно на выморочную часть Тарусского княжества, предположительно – вотчину князя Федора Святославича – в 1391 г. великий князь Василий Дмитриевич получил ханский ярлык (ПСРЛ. Т. 8. С. 62). На другую часть Тарусского княжества местные князья сохраняли суверенные права до начала XVI в.

Сопоставить Повесть о Куликовской битве с докончанием 1381 г. пытался И.Б. Греков. Однако он опирался лишь на некорректную

цитату («как ся отступил князи тарусские Федору Святославич») [Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 446] и, по предположению М.А. Салминой, на указатель личных имен к «Духовным и договорным грамотам». Явная ошибка И.Б. Грекова позволила Салминой говорить о «мифическом Федоре Тарусском XIV века, появившемся на наших глазах в результате невнимательного прочтения И.Б. Грековым текста “докончальной” грамоты 1382 г.» (Салмина М.А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 38). Вывод М.А. Салминой представляется поспешным: был ли князь Федор Святославич лицом, отказавшимся от части тарусских земель, или тем лицом, что их получило, – он одинаково мог титуловаться «тарусским» в актовых и повествовательных источниках и, несомненно, был реальной, а не мифической фигурой.

Реальность Федора Тарусского XIV в. не устраивала М.А. Салмину оттого, что не вписывалась в ее гипотезу об отражении в Повести о Куликовской битве реалий феодальной войны XV в. Она считала, что Пространная редакция могла возникнуть не ранее 1437 г., когда в битве под Белевым пал некий князь Федор Тарусский. Именно он и был, по мысли Салминой, увековечен в Летописной повести (Салмина М.А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 344–384), что дает как дату этого произведения, так и летописного свода, в котором она помещалась – протографа Новгородской IV и Софийской I летописей. В этой гипотезе, как было отмечено И.Б. Грековым, недостает главного – доказательств того, что в роду тарусских князей был только один-единственный князь Федор: «Существование в Тарусе князя Федора в 30-е гг. XV в. отнюдь не исключало существования там князя с таким же именем в 70-е гг. XIV в.» (Греков И.Б. Восточная Европа... С. 444). Равно справедливо и допущение В.А. Кучкина о «существовании в 1380 г. и в 1447 г. двух Федоров Тарусских, например, деда и внука» (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 59; см. также: Горский А.А. К вопросу о составе русского войска на Куликове

поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6). С. 8, примеч. 46). Построения М.А. Салминой были также оспорены А.Г. Бобровым (Бобров А.Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 8–9), Б.М. Клоссом (Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 112–117) и другими авторами, из которых наиболее последовательным критиком М.А. Салминой выступил С.Н. Азбелев. А.Г. Бобров предложил датировать летописный свод, к которому восходят Новгородская IV и Софийская I летописи, т.е. и Пространную редакцию Летописной повести с известием о гибели Федора и Мстислава, 1418 г.; Б.М. Клосс – 1412–1419 гг. Нужно отметить существование достаточно аргументированной гипотезы о возникновении Пространной редакции уже в конце XIV в. и ее бытовании вне летописных сводов [Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 121; Греков И.Б. Восточная Европа... С. 329–334; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники, 1976. М., 1976. С. 81–88; Он же. К вопросу об устном оригинале летописной повести о Куликовской битве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 50–79].

В список погибших в Куликовской битве действительно было внесено несколько имен лиц, погибших незадолго до нее, – Дмитрия Минича (ум. 1368), Дмитрия Монастырева (ум. 1378). Но М.А. Салмина предлагала поверить в то, что смерть князя Федора Тарусского была отнесена его современником – составителем Повести на 60–70 лет назад. Это предположение С.Н. Азбелев посчитал маловероятным (Азбелев С.Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. ст., 1973. М., 1974. С. 172). В самом деле, в этом случае целеполагание автора Повести становится совершенно непонятным. На какую реакцию современных ему читателей, из которых многие могли лично знать тарусского князя Федора и обстоятельства его недавней гибели, мог рассчитывать автор

Повести? Гипотеза М.А. Салминой полностью обходит молчанием фигуру князя Мстислава, брата Федора Тарусского. Гибель Мстислава на Куликове поле – уникальное известие Повести, которое не могло быть заимствовано ни из одного ее источника, предполагаемого исследователями.

В отдельных списках брат князя Федора Тарусского именуется двойным именем, Иван Мстислав. В этом видно влияние на текст Повести либо разряда Тверского похода Дмитрия Донского 1375 г., где в числе участников значился тарусский князь Иван Константинович, либо фрагмента той же Повести об уряжении полков. Это же влияние усматривается и в Любецком синодике (рукопись XVIII в.), где поминали «князя Иоанна Мстислава, княгиню его Анастасию» (Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 29, 165–166).

Уезд Мстиславль оставался за рязанскими князьями по докончаниям 1402, 1434 и 1447 гг. (ДДГ. С. 53, 84, 143). В московско-рязанском докончании 1483 г. Мстиславль, вероятно, скрывается в обобщенном указании «и иные места» в ряду купель великого князя Василия Васильевича: «За рекою за Окою Тешилов, и Венев, и Растовец, и иная места» (Там же. С. 285). Это позволяет отнести покупку Мстиславля к периоду 1447–1462 гг., между последним упоминанием Мстиславля в качестве рязанского владения и кончиной Василия II. В 1494 г. Мстиславль упоминается уже в числе «украинных мест» московского великого князя в московско-литовском докончании (Там же. С. 330). В духовной Ивана III (1504 г.) Мстиславль был завещан князю Василию Ивановичу (Там же. С. 354); в духовной Ивана Грозного (1572 г.) – Ивану Ивановичу (Там же. С. 435).

Уезд Мстиславль сохранил свое название до екатерининского генерального межевания. Тогда он именовался Мстиславским станом в составе Каширского уезда. Другие топонимы, содержащиеся в рассматриваемой статье докончания, в литературе убедительно не локализованы. Исключение составляет Дубок, но он был соотнесен с Дубком на Дону из «Списка городов дальних и

ближних». Это сомнительно – тот Дубок значительно удален от Тарусы, их разделяет Тула, имевшая особый статус. Дубок – не уникальный топоним; даже в настоящее время населенные пункты с таким названием находятся в Калужской, Псковской, Тверской, Орловской областях.